

Часть первая

МАТЕРИНСКАЯ ДЕПРИВАЦИЯ

«Только очень наивные люди думают, будто мир изменится от фраз, начинающихся со слова "пусть": ..."Пусть каждая мать воспитает хорошего человека, и мир превратится в рай". Пусть-то пусть, да не получается.

С.Соловейчик

«Материнская любовь - это понятие, которое не просто эволюционирует, но наполняется в разные периоды истории различным содержанием»

Элизабет Бадинтер

I. Психическая депривация

1. Депривация: слово, термин, понятие

Депривация — термин, широко используемый сегодня в психологии и медицине. В русский язык он пришёл из английского - *deprivation* - и означает «утрата, лишение, ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей» (Энциклопедический словарь медицинских терминов, ...).

Для понимания сути этого термина важно обратиться к этимологии слова. Латинский корень *privare*, что значит «отделять», лежит в основе английских, французских, испанских слов, переводимых на русский язык как «частный, закрытый, отдельный»; отсюда же и используемое в русской речи слово «приватный». Префикс *de* в данном случае передает усиление, движение вниз, снижение значения корня (по аналогии со словом «де-прессия» — «подавление»).

Таким образом, уже этимологический анализ слова показывает, что, говоря о депривации, имеют в виду такое неудовлетворение потребностей, которое происходит в результате отделения человека от необходимых источников их удовлетворения - отделение, имеющее пагубные последствия.

Существенна именно психологическая сторона этих последствий: ограничена ли моторика человека, отлучен ли он от культуры или от социума, лишен ли с раннего детства материнской любви — проявления депривации психологически похожи.

Для уточнения психологического содержания понятия «депривация» продуктивно проведение аналогии между психической депривацией и депривацией биологической. Биологическая депривация порождается недостатком белков, витаминов, кислорода и приводит к серьезным нарушениям в развитии организма. Соответственно психическая депривация вызывается недостатком сенсорных стимулов, социальных контактов, устойчивых эмоциональных связей. В обоих случаях происходит своего рода «голодание», результаты которого - как бы ни был различен их механизм - проявляются в ослаблении, обеднении, хирении организма и психики.

В психологию термин «депривация» вошел благодаря английскому психологу Дж.Боулби.

В знаменитой работе Дж.Боулби «Материнская забота и психическое здоровье», опубликованной в 1952 и описывающей, в частности, результаты психологического изучения детей,

эвакуированных во время Второй мировой войны, было показано, что дети, в раннем детстве лишенные материнской заботы и любви, испытывают задержку в эмоциональном, физическом и интеллектуальном развитии.

Открытие Дж.Боулби феномена депривации оказалось настолько важным, что породило целое направление в науке, существующее и развивающееся и в настоящее время.

Приведем некоторые определения, позволяющие разобраться в том, какое содержание вкладывается современными психологами в понятие депривации.

В.Каган считает, что термин депривация *«используется для обозначения лишения/утраты или приближающейся к ним по выраженности и значению для субъекта недостаточности чего-то желанного/необходимого»* (Справочник по психологии..., 1999,с.43).

По мнению, А.Ребера, автора Большого толкового психологического словаря, термин *«депривация»* означает *«потерю какого-то желаемого объекта или человека и используется для обозначения удаления объекта или человека или для обозначения состояния потери непосредственно»* (Т.1, с.226).

Ч.Райкрофт в словаре психоаналитических терминов определяет депривацию как *«опыт недополучения необходимого»* (1995, с.39).

Важно отметить, что термин депривация многими авторами используется двояко - для обозначения (1) реального ограничения условий жизни и функционирования и (2) психического состояния, возникающего в результате подобных ограничений.

Канадский психолог Д.Хебб, подчеркивая специфику *психической депривации*, дает следующее ее определение: *«биологически адекватная, но психологически ограниченная среда»*. Под ограничением Хебб понимает недостаток определенных элементов среды, которые необходимы для нормального развития и сохранения психических функций. Таким образом, он говорит о депривации в первом из представленных выше значений.

Эвристичное определение депривации во втором значении предлагают известные исследователи этой проблемы, авторы фундаментального труда *«Психическая депривация в детском возрасте»* Й.Лангмейер и З.Матейчек: *«Психическая депривация является психическим состоянием, возникшим в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется*

возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени» (1984, с.19).

Важным уточнением в определении значения понятия *депривации* является также проводимое некоторыми исследователями различие между, с одной стороны, ситуацией, когда человек с самого рождения лишен определенных стимулов (раздражителей, импульсов - «предмета потребности», по А.Н.Леонтьеву), в результате чего некоторые значимые потребности вообще не возникают, а с другой, - ситуацией, когда потребность уже возникла, а затем предмет потребности стал недоступен. Первую ситуацию иногда называют «*привацией*», т.е. отделением, а вторую - собственно *депривацией*.

Различают *парциальную депривацию* (partial deprivation) - когда не удовлетворена какая-либо одна потребность и *полную (тотальную)*, когда одновременно не удовлетворены многие потребности или одна, но настолько важная, что ее неудовлетворение вызывает тотальные нарушения. Примером последней является лишение ребенка материнской любви - *материнская депривация*.

Кроме того, выделяются *открытая (манифестируемая) депривация* и депривация *скрытая (маскированная)*.

В настоящее время изучаются разные виды депривации, о чем подробнее речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что в интересующем нас контексте наиболее важной оказывается *материнская депривация*, с изучения которой по существу и начинал Дж.Боулби. Термин «*материнская депривация*» применялся им для описания случаев, когда оказываются разорванными узы *привязанности* между ребенком и матерью (Дж.Боулби, 2003).

Близким по значению понятию материнская депривация в психологии является понятие «*госпитализм*» (от англ. hospital – больница), или «*больничный синдром*», введенное немецко-американским психологом Р.Шпицем в 1945 г. для описания психического состояния ребенка, помещенного на длительное время в больницу без матери.

Отмечаемая большинством авторов специфика термина «*госпитализм*» состоит в акцентировании, с одной стороны места возникновения данного синдрома - больница, приют, а, с другой стороны, возраста ребенка - как правило, до полутора лет.

Так, М.Годфрид определяет госпитализм как «совокупность серьезных физических и психологических расстройств из-за длительного пребывания в больнице и полного отсутствия связи с матерью у младенцев младше 1,5 г.» (2003, с.36).

В Большом психологическом словаре под редакцией Б.Г.Мещерякова и В.П.Зинченко госпитализм определяется как «глубокая психическая и физическая отсталость, возникающая в первые годы жизни ребенка вследствие **«дефицита общения»** и воспитания». Указываются следующие признаки госпитализма: «запоздалое развитие движений, в особенности ходьбы, резкое отставание в овладении речью, эмоциональная обедненность, бессмысленные движения навязчивого характера (раскачивание тела и др.), а также сопутствующие этому комплексу психических недостатков низкие антропометрические показатели, рахит (2003, с. 111).

В словаре А.Ребера акцентируется другой аспект, важный в контексте современного использования этого термина, - специфика общения ребенка с окружающими. Госпитализм рассматривается как синоним расстройства **реактивной привязанности** и определяется следующим образом:

«Расстройства детского и грудного возраста, характеризующиеся неспособностью ребенка создавать нормальные социальные связи до пятилетнего возраста. Это нарушение характеризуется либо устойчивой неспособностью ребенка вступать в социальные взаимодействия и соответственно на них реагировать, либо (у старших детей) неразборчивостью в общении, особенно с посторонними и другими социально несоответствующими индивидами. Предполагается, что это расстройство возникает вследствие чрезвычайно патологического раннего ухода за ребенком, отличающегося отсутствием нормальной физической и социальной стимуляции, так как оно наблюдается даже тогда, когда ребенку обеспечивается хорошее питание и соблюдение хороших социальных условий. Обратите внимание, что этот термин не употребляется, если имеются свидетельства умственной отсталости или любого другого распространяющегося нарушения развития» (Т.2, с. 178).

Таким образом, можно констатировать, что в современном словоупотреблении термины «госпитализм» и «депривация» не являются полными синонимами, поскольку их содержание пересекается лишь частично. Термин «госпитализм» является более узким, ограниченным и возрастом ребенка (до полутора лет), и местом его пребывания (больница, приют).

2. Виды депривации

В зависимости от того, чего именно лишен человек, выделяют разные виды депривации. Для психологии наибольший интерес представляет такие виды депривации, как двигательная, сенсорная, информационная, социальная, сексуальная, эмоциональная и материнская.

Рассмотрим те виды депривации, которые в наибольшей степени важны для изучения развития детей, лишенных нормальной родительской заботы.

2.1. Сенсорная депривация

Блестящим примером сенсорной депривации является описание преддипломного экзамена, который сдавал курсант школы космонавигаторов, известный в кругах любителей фантастики, пилот Пиркс из рассказа С. Лема «Условный рефлекс». Этот экзамен курсанты любовно называли «сумасшедшая ванна». Лем подробно описывает, как курсанта приводят в просторное помещение с бассейном, полным воды.

«Испытуемый — на студенческом жаргоне «пациент» — раздевался и погружался в воду, которую нагревали до тех пор, пока он не переставал ощущать ее температуру... Когда юноша, лежащий навзничь в воде, поднимал руку, воду прекращали нагревать и один из ассистентов накладывал ему на лицо парафиновую маску. Затем в воду добавляли какую-то соль (но не цианистый калий, как всерьез уверяли те, кто уже искупался в «сумасшедшей ванне»), — кажется, простую поваренную соль. Ее добавляли до тех пор, пока «пациент» (он же «утопленник») не всплывал так, что тело его свободно держалось в воде, чуть ниже поверхности. Только металлические трубки высывались наружу, и поэтому он мог свободно дышать.

Вот, собственно, и все. На языке ученых этот опыт назывался «устранение афферентных импульсов». И в самом деле, лишенный зрения, слуха, обоняния, осязания (присутствие воды очень скоро становилось неосязаемым), подобно египетской мумии, скрестив руки на груди, «утопленник» покоился в состоянии невесомости. Сколько времени? Сколько мог выдержать.

Как будто ничего особенного. Однако в таких случаях с человеком начинало твориться нечто странное... Около трети

испытываемых не выдерживали не то что шести или пяти, а даже и трех часов».

Субъективные переживания Пиркса писатель описывает с большой достоверностью, похожие можно встретить и в самоотчетах участников подлинных научных экспериментов (повидимому, автору были знакомы работы американских психологов из Колумбийского университета Дж. Лилли, Дж. Шорли, 1961):

«Он вообще ничего не ощущал. Но эта пустота становилась тревожащей. Прежде всего, он перестал ощущать положение собственного тела, рук, ног. Он еще помнил, в какой позе лежит, но именно помнил, а не ощущал. Пиркс начал соображать, Давно ли он находится под водой, с этим белым парафином на лице. И с удивлением понял, что он, обычно умеющий без часов определять время с точностью до одной-двух минут, не имеет ни малейшего представления о том, сколько минут — или, может, десятков минут? — прошло после погружения в «сумасшедшую ванну».

Пока Пиркс удивлялся этому, он обнаружил, что у него уже нет ни туловища, ни головы, вообще ничего. ...

«Пиркс будто растворялся постепенно в этой воде, которую тоже совершенно перестал ощущать. Вот уже и сердца не слышно. Изо всех сил он напрягал слух — безрезультатно. Зато тишина, целиком наполнявшая его, сменилась глухим гулом, непрерывным белым шумом, таким неприятным, что прямо хотелось уши заткнуть...

Нечем было шевельнуть: руки исчезли. Он даже не то чтобы испугался — скорее обалдел. Правда, он читал что-то о «потере ощущения тела», но кто бы мог подумать, что дело дойдет до такой крайности?..

Потом стало еще хуже.

Темнота, в которой он находился, или, точнее, темнота — он сам, заполнялась слабо мерцающими кругами, плавающими где-то на границе поля зрения,— круги эти даже и не светились, а смутно белели. Он повел глазами, почувствовал это движение и обрадовался, но странно: после нескольких движений и глаза отказались повиноваться...»

Дальше — хуже. «Он распадался. Уже даже и не тело — о теле и речи не было — оно перестало существовать с незапамятных времен, стало давно прошедшим, чем-то утраченным навсегда. А может, и не было никогда?..

Он распадался — ни на какие-то там отдельные личности, а именно на страхи. Чего Пиркс боялся? Он понятия не имел. Он не жил ни наяву (какая может быть явь без тела?), ни во сне. Ведь не

сон же это: он знал, где находится, что с ним делают. Это было нечто третье. И на опьянение абсолютно не похоже.

Он и об этом читал. Это называлось так: «Нарушение деятельности коры головного мозга, вызванное лишением внешних импульсов».....Звучало это не так уж плохо. Но на опыте... Нет, это он вселился в кого-то. И этот кто-то раздувался. Распухал. Становился безграничным. Пиркс бродил по каким-то непонятным недрам, сделался громадным, как шар, стал невысказанным слоноподобным пальцем, он весь был пальцем, но не своим, не настоящим, а каким-то вымышленным, неизвестно откуда взявшимся. Этот палец обособлялся. Он становился чем-то угнетающим, неподвижным, согнутым укоризненно и вместе с тем нелепо, а Пиркс, сознание Пиркса возникало то по одну, то по другую сторону этой глыбы, неестественной, теплой, омерзительной, никакой...

Пиркс прошел еще много состояний. Некоторое время его не было, потом он снова появился, многократно умноженный; потом что-то выедало у него весь мозг; потом были какие-то путаные, невыразимые словами мучения — их объединял страх, переживший тело, и время, и пространство» (С.Лем, 1970 с. 46-53).

Сенсорная депривация может возникать не только в экспериментальных условиях, подобных описанным С. Лемом, но и в жизни, когда по тем или иным причинам человек испытывает так называемый *сенсорный голод*, не получает достаточного количества стимулов — зрительных, слуховых, осязательных и прочих. Для описания подобных жизненных условий психологи также пользуются понятием *обедненная среда*, а в последнее время - *обедненная информационная среда*.

В обедненную среду часто попадает ребенок, оказавшись в детском доме, больнице, интернате или другом учреждении закрытого типа. Такая среда, вызывая сенсорный голод, вредна для человека в любом возрасте. Однако для ребенка она особенно губительна.

Как показывают многочисленные психологические исследования, необходимым условием для нормального созревания мозга в младенческом и раннем возрасте является достаточное количество внешних впечатлений, так как именно в процессе поступления в мозг и переработки разнообразной информации из внешнего мира происходит упражнение органов чувств и соответствующих структур мозга.

Большой вклад в разработку этой проблемы внесли отечественные ученые. Так, Н.М.Щеловановым было

установлено, что те участки мозга ребенка, которые не упражняются, перестают нормально развиваться и начинают атрофироваться.

Н.М.Щелованов писал, что если ребенок находится в условиях сенсорной изоляции (он неоднократно наблюдал ее в яслях и домах ребенка), то происходит резкое отставание и замедление всех сторон развития, своевременно не развиваются движения, не возникает речь, отмечается торможение умственного развития.

М.Ю.Кистяковская, анализируя стимулы, вызывающие положительные эмоции у ребенка первых месяцев жизни, обнаружила, что они возникают и развиваются лишь под влиянием внешних воздействий на его органы чувств, в особенности на глаз и ухо.

Опираясь на эти факты, а также на собственные наблюдения и эксперименты, выдающийся детский психолог Л.И.Божович (1968) выдвинула гипотезу о том, что ведущей в психическом развитии младенца является потребность в новых впечатлениях.

Согласно этой гипотезе, потребность в впечатлениях возникает примерно на третьей-пятой неделе жизни ребенка и является базой для формирования других социальных потребностей, в том числе и социальной по своей природе потребности в общении ребенка с матерью. Это положение противостоит представлениям большинства психологов о том, что исходными выступают либо органические потребности (в пище, тепле и т. п.), либо потребность в общении.

Косвенно это положение подтверждается и опытом организации и функционирования детских больниц, детских домов и интернатов. Еще Р.Шпицем было показано, что в подобных учреждениях ребенок страдает не только и не столько от плохого питания или плохого медицинского обслуживания, сколько от специфических условий, один из существенных моментов которых — бедная стимульная среда.

Описывая условия содержания детей в одном из приютов, Р. Шпиц отмечает, что дети постоянно лежали в стеклянных боксах до тех пор, пока им не исполнялось 15—18 месяцев, они не видели ничего, кроме потолка, так как боксы были задрапированы занавесками. Движения детей были ограничены не только постелькой, но и вдавленным углублением в матрасе. Игрушек было крайне мало.

Последствия такого сенсорного голода, если их оценивать по уровню и характеру психического развития ребенка, сравнимы с последствиями глубоких сенсорных дефектов. Например,

Б.Лофенфельд установил, что по результатам развития дети с врожденной или рано приобретенной слепотой сходны с депривированными зрячими детьми (детьми из закрытых учреждений). Это проявляется в виде общего или частичного запаздывания развития, возникновения некоторых двигательных особенностей и особенностей личности и поведения.

Другая исследовательница, Т.Левин, изучавшая личность глухих детей с применением теста Роршаха, обнаружила, что характеристики эмоциональных реакций, фантазии, контроля у таких детей также сходны с аналогичными особенностями детей-сирот из учреждений.

Таким образом, обедненная среда отрицательно влияет на развитие не только сенсорных способностей ребенка, но и всей его личности, всех сторон психики. Конечно, развитие ребенка в условиях детского учреждения — явление очень сложное; сенсорный голод здесь выступает лишь одним из моментов, который в реальной практике невозможно даже вычлнить и проследить его влияние. Однако депривирующее воздействие сенсорного голода сегодня можно считать общепризнанным. Вместе с тем, современные исследования показывают, что полноценная забота о ребенке может в значительной степени компенсировать последствия проживания в обедненной информационной среде. В исследовании английских психологов Рами и Рами, проведенном в 1992 г. сравнивались две группы детей. В обеих группах дети росли в примерно одинаково бедной сенсорной и информационной среде. Но в одной из групп о младенцах полноценно заботились окружающие взрослые, а в другой нет. Исследователи показали, что по прошествии нескольких лет дети первой группы имели существенно более высокие показатели интеллектуального развития, чем дети второй группы (по Д.Майерс, 2001).

В каком возрасте влияние сенсорной депривации на психическое развитие ребенка максимально?

Некоторые авторы считают, что критическими являются самые первые месяцы жизни. Так, И.Лангмейер и З.Матейчек отмечают, что младенцы, воспитывающиеся без матери, начинают страдать от отсутствия материнской заботы, эмоционального контакта с матерью лишь с седьмого месяца жизни, а до этого времени наиболее патогенным фактором является именно обедненная внешняя среда (1984).

По мнению известного итальянского психолога и педагога М.Монтессори, наиболее сензитивным, критическим для

сенсорного развития ребенка является период от двух с половиной до шести лет (2000).

Существуют и другие точки зрения, и, по-видимому, окончательное научное решение вопроса требует дополнительных исследований. Однако для практики следует признать справедливым, что сенсорная депривация может иметь отрицательное воздействие на психическое развитие ребенка в любом возрасте, в каждом возрасте по-своему. Поэтому для каждого возраста следует специально ставить и особым образом решать вопрос о создании разнообразной, насыщенной и развивающей среды.

Необходимость создавать в детских учреждениях сенсорно насыщенную внешнюю среду, признаваемая в настоящее время всеми, на деле нередко реализуется прямолинейно, примитивно, однобоко и неполно. Иногда из самых лучших побуждений, борясь с унылостью и однообразием обстановки в детских домах и школах-интернатах, стараются максимально насытить интерьер разными красочными панно, картинками, выкрасить стены в яркие цвета, создать звуковой фон, когда на всех переменах, в свободное время звучит громкая, бодрящая музыка. Но это способно устранить сенсорный голод лишь на самое короткое время. Оставаясь неизменной, подобная обстановка в дальнейшем все равно к нему приведет. Только в данном случае это произойдет на фоне значительной сенсорной перегрузки, когда соответствующая зрительная стимуляция буквально будет «бить по голове». Еще Н. М. Щелованов предупреждал о том, что созревающий мозг ребенка особенно чувствителен к перегрузкам, создающимся при длительном, однообразном влиянии интенсивных стимулов.

Таким образом, как видим, даже окраска стен и оформление интерьера оказываются чрезвычайно сложным и тонким делом, если рассматривать их в контексте проблемы сенсорной депривации. Хорошо, если этот момент осознается работниками соответствующих детских учреждений. Опишем в этой связи свои впечатления от посещения в 80-е годы XX века детских диагностических домов в двух городах Чехословакии — Праге и Братиславе.

В то время в этой стране детский диагностический дом был учреждением, куда попадали трудные дети, большей частью оставшиеся без попечения родителей, для уточнения медико-психолого-педагогического диагноза и решения затем вопроса о том, где в дальнейшем лучше жить и воспитываться ребенку: в специализированном семейном или обычном детском доме, в учреждении для детей с трудностями поведения, в семье и массовой

школе. В диагностическом доме дети проводили от полутора до двух месяцев.

Оба диагностических дома, в которых мы побывали, были во многом схожи. Однако нас поразило резкое различие оформления их интерьеров. В Праге все стены были буквально увешаны цветами, картинами, поделками детей, в каждой комнате мебель стояла по-своему, были разного цвета занавески, покрывала. В Братиславе, напротив, все комнаты были одинаковыми, мебель расставлена так, как каждый из нас хорошо знал из своего опыта пребывания в пионерских лагерях,— кровать, тумбочка, кровать, тумбочка и т. п.; на неброско окрашенных стенах в каждой комнате казенно висел один эстамп. Из беседы с директорами и воспитателями обоих этих учреждений мы поняли, что в этих различиях проявилось разное понимание значения интерьера для воспитания.

В Праге концепция звучала так: «Мы хотим, чтобы наш дом был похож на обычный семейный дом, чтобы было уютно, чтобы каждая комната была иной, чем остальные, чтобы дети научились сами заботиться о красоте и уюте. Все это им пригодится потом в жизни, да и здесь они не будут уставать от однообразия обстановки».

В Братиславе подход был иным: «Дети живут у нас не больше двух месяцев. Потом большинству из них предстоит воспитываться в обычных детских домах и интернатах, где обстановка страшно унылая. Если здесь они привыкнут к яркому и красивому интерьеру, в дальнейшем им будет очень трудно. А мы хотим, чтобы им было хорошо именно потом и чтобы они не страдали, постоянно вспоминая пребывание в нашем диагностическом доме».

Мы приводим этот пример для того, чтобы показать, насколько важно основательно, серьезно относиться к оформлению среды обитания ребенка в детском учреждении, учитывать его значение для психического развития, для всей жизни. Не станем обсуждать здесь, какая из двух концепций представляется нам более правильной. Отметим лишь, что в обоих случаях признается принципиальная важность богатства среды, но когда, где и в какой мере, в каких именно формах разворачивать это богатство — все это в каждом отдельном случае требует специальной проработки.

Говоря, например, о нашей многонациональной стране, следует, в том числе учитывать национальные традиции, различия в представлениях о красоте. И то, что идеально в детском доме Москвы или Санкт-Петербурга, может оказаться чрезмерно бледным, сухим и лаконичным для детского дома в Татарии или

Дагестане. Важен и возраст детей, и время пребывания - находится ли он в таком учреждении относительно небольшое время или живет там постоянно, и особенности их психоневрологического статуса.

Не можем удержаться от упоминания о дискуссии о том, в какой обстановке должен расти и воспитываться гиперактивный ребенок. Сторонники одной позиции полагают, что поскольку таких детей отличает полевое поведение и они бурно реагируют на любой попадающий в их поле внимания объект, то их среда обитания должна быть предельно упрощена, - чем меньше предметов, в частности игрушек их окружает, чем менее насыщена и разнообразна цветовая гамма, чем меньше звуков, запахов и т.п. - тем лучше. Сторонники противоположной точки зрения, напротив, полагают, что обеднять среду ни в коем случае нельзя, потому что для ребенка, привыкшего находиться в такой бедной среде, любое столкновение с полноценным раздражителем может оказаться патогенным (а этого в жизни практически невозможно избежать). Представьте себе, что ребенок, растущий в таких сенсорно скудных условиях, в ясный солнечный день выходит на улицу и видит девушку в ярко-красной куртке, которая едет на ярко-синем велосипеде и что-то громко кричит.

2.2. Двигательная депривация

С двигательной депривацией мы сталкиваемся всякий раз, когда возникает резкое ограничение движения, например, в результате травм или болезней. Особенно тяжелы последствия двигательной депривации для детей. Сегодня широко признано, что тугое пеленание грудных младенцев (свивальник), традиционное для некоторых культур, имеет отрицательные последствия не только медицинского или физиологического характера, но и сугубо психологические.

Установлено также, что медицински необходимое ограничение движений детей с врожденным вывихом бедра посредством распорок приводит к заметному повышению тревожности этих детей, которые становятся плаксивыми и обидчивыми. У них наблюдается психический регресс, когда, скажем, ребенок, который уже просился на горшок, начинает опять мочиться в штанишки и т. п.

Существуют данные, что дети, двигательная активность которых в силу медицинских причин в течение длительного времени была сильно ограничена, нередко испытывают состояние депрессии,

которое может «прорываться» взрывами ярости и агрессивности (Дж. Прескотт).

Н.М.Щелованов и его сотрудники приводят результаты наблюдений, свидетельствующие о том, что уже на первом месяце жизни младенцы проявляют сильное беспокойство при ограничении движений, вызванном, например, тугим пеленанием. Они обнаружили также, что если ребенок находится в условиях хронической гиподинамии, то у него развивается эмоциональная вялость и возникает компенсаторная двигательная активность — раскачивание тела из стороны в сторону, стереотипные движения руками, сосание пальцев и т. п. Эти движения довольно быстро закрепляются и мешают прогрессивному развитию всей двигательной сферы.

Стереотипное раскачивание из стороны в сторону, которое может продолжаться часами, многие исследователи наблюдали у маленьких детей из закрытых детских учреждений, условиями содержания лишенных возможности нормально двигаться. Этому явлению еще в 30-е годы нашего века посвятила свое исследование польский психолог Ванда Шуман. По ее мнению, покачивание доставляет ребенку определенные проприоцептивные (идущие от двигательной системы организма) раздражения, которые как-то разнообразят его ощущения.

Многие авторы, исследовавшие такого рода движения, считают, что в определенном диапазоне, когда они сосуществуют с другими видами активности и имеют тенденцию к сворачиванию по мере взросления ребенка, стереотипные движения могут в самом деле рассматриваться как достаточно эффективный способ разнообразить опыт сенсорных ощущений. Ведь если обстановка, воспринимаемая ребенком, чрезмерно статична и «мир не движется вокруг него», то ребенку есть смысл самому двигаться относительно этого мира. К тому же такие движения могут служить средством успокоения, вследствие чего некоторые исследователи относят их, а также такие повторяющиеся движения, как сосание пальца, постукивание, покачивание ногой к числу так называемых «успокоительных привычек», объясняя известную их полезность аутостимуляцией.

Однако, считает В. Шуман, этот способ крайне беден, стереотипен, имеет ярко выраженный компенсаторный характер и поэтому не ведет к развитию. Если не организуется специальная педагогическая работа, то интеллектуальное развитие «покачивающихся» детей, совершенно нормальных с анатомической

точки зрения, становится близким к интеллектуальному развитию детей, имеющих органические дефекты мозга.

Стереотипное раскачивание наблюдалось и при изучении животных, в частности обезьян, выросших в маленьких, тесных клетках, обрекавших их на неподвижность. Дж. Прескотт объясняет это тем, что животное как бы пытается компенсировать этими движениями (раскачивание, монотонная ходьба, вращательные движения или покачивания головой, кружения, покусывание пальцев, кистей и губ) недостаток соответствующей стимуляции.

Синдром «раскачивания» в младенческом возрасте изучался и Р.Шпицем в сотрудничестве с К.М.Вульф. Они ставили своей задачей установить причины появления и значение трех видов аутоэротической активности (раскачивание, игры с фекалиями и игры с гениталиями) на первом году жизни и обнаружили, что из 170 наблюдавшихся ими в яслях при исправительном учреждении детей 87 в тот или иной период начинали раскачиваться, а остальные подобной склонности не проявляли. Подробный анализ показал, что ни врожденные, ни наследственные факторы не влияют на появление этого синдрома. Решающим оказывается так называемый «фактор окружения». В яслях большинство факторов внешнего окружения являлись одинаковыми для всех воспитанников (пища, одежда, игрушки, кровать, гигиенические процедуры, распорядок дня), единственным фактором окружающей среды, который различался, был человеческий, а именно отношение между детьми и их матерями.

«Отношения между раскачивающимися детьми и их матерями были весьма своеобразны. Нельзя говорить об их отсутствии, но нельзя также назвать их уравновешенными и тесными. В целом, матери этих детей являлись экстравертированными и готовыми к интенсивным позитивным контактам с выраженными аллопластическими¹ тенденциями. В большинстве это инфантильные личности, не способные контролировать свою агрессию, находящую выход в частых взрывах негативных эмоций и яростной, нескрываемой враждебности.

Эти матери стали жертвами собственных эмоций и, в силу своей инфантильности, не умели осознавать последствия своего поведения, оставаясь крайне непостоянными в своих отношениях с окружением. В стенах исправительного заведения

¹ Аллопластический - направленный на изменения во внешнем окружении, в отличие от аутопластического - направленный на внутренние изменения, на изменения самого себя.

дети, естественно, оказались единственно отдушиной для лабильных эмоций своих матерей, и поэтому они подвергались то интенсивному натиску нежности и «любви», то столь же мощным вспышкам ненависти и гнева. Одним словом, происходили стремительные переходы от баловства к враждебности» (Р.А.Шпиц, 2000, с.240).

Регулярное тестирование экспериментальной группы показало, что раскачивающие дети обладали особым характерным «профилем развития», в то время как профили развития других, не склонных к раскачиванию детей, не обнаружили подобного единства и значительно отличались друг от друга. Независимо от общего уровня развития они отставали в двух сферах: в социальной адаптации и в способности к предметному манипулированию (способность брать игрушки, вещи и т.п.). «В совокупности, - пишет Р.Шпиц, - задержка в обеих сферах означает неспособность раскачивающихся детей *общаться* как с живым, так и с неживым окружением, недостаток инициативы в отношениях с внешним миром» (Там же, с 241).

Таким образом, синдром раскачивания можно рассматривать двояко - как показатель глобального неблагополучия ребенка и как своеобразный способ его выхода из неблагоприятной ситуации. Вот почему если в двигательном поведении ребенка раскачивание достаточно ярко выражено на это следует обратить особое внимание.

Способы преодоления последствий двигательной депривации, равно как и способы ее профилактики, очевидны — необходимо создавать условия, всемерно способствующие развитию двигательной активности ребенка. На важность этого указывал еще известный русский психолог и педагог И.А.Сикорский, работавший в конце XIX-начале XX в.в.

И.А.Сикорский подчеркивал, что ребенку необходимо предоставлять свободу действий, поощряя его двигательную активность, чтобы давать ему повод как можно чаще и полнее напрягать и упражнять его мышцы. Это, по мнению И.А. Сикорского, позволит ребенку постоянно ощущать и помнить о живущей в нем и таящейся силе, о внутренней крохотной, но необъятной мощи, о свежести и энергии всего организма.

Долгое время развитие двигательной сферы ребенка связывалась преимущественно с занятиями физкультурой, которое имело своей целью развитие координации движения, становление крупной моторики, различных групп мышц и т.п.

При этом совершенно не учитывалось особое, глубокое значение движения для общего психического развития и развития личности. Накоплено много данных о том, что развитие движений в детстве имеет интимную связь с формированием ядра личности — чувства Я, образа Я, Я-системы.

Важнейшим моментом развития самосознания человека является период, когда ребенок начинает ощущать себя причиной и источником собственных действий. М.Ю.Кистяковская (1965) обнаружила, что самые яркие эмоциональные реакции у младенцев возникают при выполнении наиболее сложных по структуре движений. Это чувство «мышечной радости» характерно и для более старших детей. В той же работе М.Ю. Кистяковской было показано, что у детей, воспитывающихся в домах ребенка, обнаруживается состояние глубокой моторной отсталости, из которого их можно вывести только с помощью интенсивной психолого-педагогической работы. Сами собой с возрастом подобные нарушения не проходят.

2.3. Социальная депривация

Наряду с сенсорной и двигательной выделяют также социальную депривацию. С ней, например, часто сталкиваются пожилые люди после выхода на пенсию, когда разрываются привычные круги общения, уходит ощущение своей нужности обществу и в этом смысле связанности с ним. Здесь важен разрыв именно широких социальных связей, поэтому зачастую даже возможность общения с детьми, внуками, знакомыми не снимает во многих случаях тяжелых переживаний, рождаемых социальной депривацией.

Подобная форма депривации встречается и у молодых людей. Так, нередко молодые мамы, сидящие дома с ребенком, в ситуациях, когда, казалось бы, все в порядке — и муж любит, и ребенок здоров,— вдруг начинают испытывать тоску, тревогу, становятся агрессивными. Известный американский врач Б.Спок, советует молодым матерям в таких случаях не обвинять себя в черствости и нелюбви к ребенку, не пытаться волевым образом сменить агрессию на нежность, а просто рекомендует позвонить по телефону и поболтать с подругой, зайти в магазин и купить новое платье, сходить в гости, в кино, т. е. восстановить переживания от привычного социального контекста.

Во многие книги вошли рассказы о том, что не только молодые, хрупкие женщины, но и здоровые, сильные мужчины могут страдать от социальной изоляции. Известно, например, что реальный прототип Робинзона Крузо в психологическом отношении был совсем не так благополучен, как его литературное воплощение.

Еще более показательны истории людей, по своей воле уединившихся от общества и специально готовивших себя к этому. Так, в 1895 году англичанин Джошуа Слокам начал свое кругосветное путешествие на яхте «Спрей», где он в одиночестве провел 3 года 2 месяца и 2 дня. Вот что он впоследствии писал: «Я чувствовал себя безнадежно одиноким. Мне было страшно. Любая опасность, даже самая маленькая, в моем сознании вырастала до непреодолимой. Все смешалось в памяти. Смеющиеся и плачущие голоса непрерывно рассказывали мне разные истории...».

Другой известный пример — история Ричарда Барда, который в 1938 году 6 месяцев провел в одиночестве в Антарктиде. Бард предпринял все меры, чтобы не замерзнуть и разнообразить свою жизнь. Надо сказать, что Бард, как человек, любил уединение, а как ученый, стремился выяснить сущность воздействия уединения на личность. Несмотря на это, после трех месяцев пребывания в одинокой антарктической избушке он впал в глубокую депрессию. Позднее, анализируя произошедшее, Р.Бард писал: «Думаю, что человек не может обойтись без звуков, запахов, голосов, общения с другими людьми, как не может жить без фосфора и кальция... Все действия казались мне незаконченными, неполными, бесцельными, лишенными связи с внутренними переживаниями или желаниями. Сотни горьких, навязчивых воспоминаний наплывали на меня ночами... Мои мысли требовали все меньше слов, я месяцами не стригся, стал рассеян... Я искал здесь покоя и духовного обогащения, но теперь ясно вижу, что обретаю лишь разочарование и безысходность» .

Социальная изоляция как таковая у взрослого человека не обязательно ведет к социальной депривации. Чем богаче внутренний, духовный мир человека и чем сильнее он в своих жизненных помыслах, задачах, представлениях связан с миром, с культурой, тем более стойким и толерантным он оказывается к возникновению депривационного синдрома. Наиболее ярким примером могут служить подвижники — религиозные, политические, которые могли годами сидеть в пещере, одиночной камере, сохраняя бодрость духа, ясность мысли, или добровольно становиться отшельниками.

В свое время американский журнал «Омни» опубликовал статью под названием «Дневник пещерной женщины», где рассказано о случае добровольной социальной изоляции.

Стефания Фоллини, 27-летняя итальянка, дизайнер по профессии, приняла участие в эксперименте, названном «Пределы женщины». Цель его состояла в изучении психологического и физиологического эффекта длительного пребывания женщины в

пещере, где отсутствует нормальное общение с другими людьми, а также привычные ориентиры — восход и заход солнца, причем, по условиям эксперимента, «пещерная женщина» была лишена часов. Связь со Стефанией осуществлялась через компьютер. Длительность этого эксперимента составила около 5 месяцев.

В результате эксперимента оказалось, что его последствия носят прежде всего биологический и физиологический характер: Стефания похудела и потеряла ощущение времени, у нее изменились некоторые биологические ритмы.

Для нас наиболее интересно то, что, судя по публикации, социальной депривации не возникло. Скорее, наоборот — Стефания во многом обрела себя, глубже поняла свои связи с миром и другими людьми. Так, например, отвечая на вопрос журналиста, может ли изоляция в пещере изменить человеческую суть, она ответила: «Нет. Никаких фундаментальных изменений не может произойти. Вы лучше узнаете себя. Кое-что, конечно, меняется. Длительное отсутствие человеческих контактов позволяет провести экзамен по всем вашим взаимоотношениям».

Что же позволило Стефании Фоллини выйти без психологических потерь или даже с психологическими приобретениями из ситуации, которую с трудом выдерживают даже сильные мужчины (мы писали об этом выше)?

Во-первых, весьма комфортные условия изоляции — наличие 400 книг, гитары, компьютера для общения с внешним миром, план работы по программе научного эксперимента, все бытовые удобства, включая специально устроенный душ с туалетом и зеркалом и т. п.

Во-вторых, исходная установка, которую сама Стефания формулировала так: «... лучше познать, изучить себя, протестировать свои способности и выяснить, могу ли я жить в одиночестве в условиях пещеры... Я хочу полюбить себя сильнее, что, как мне кажется, поможет мне полюбить людей, меня окружающих».

Немаловажное значение имели также и личностные особенности этой «пещерной женщины», ярко проявившиеся в интервью с журналистами через два месяца после начала эксперимента. Отметим следующие, наиболее, с нашей точки зрения, психологически важные моменты.

Первый - возможность активно формировать собственную эмоциональную установку к ситуации эксперимента. На вопрос, как бы она себя чувствовала, если бы эксперимент был продлен, С. Фоллини ответила: «Все будет зависеть от того, как я сама поверну психику: на нейтральное, на позитивное или на негативное отношение к этому решению».

Второй - открытость любому жизненному опыту, способность принимать каждый момент жизни как самоценный, как истинный момент бытия. Отвечая журналисту по поводу того, поддерживает ли ее психологически знание, что она вернется в мир, она сказала: «Даже здесь идет жизнь. Мое возвращение будет изменением, а я люблю изменения, но не думаю о моем возвращении как об освобождении». А когда ее спросили, какой тип людей подходит для подобных экспериментов, Стефания ответила: «...человек, готовящийся к эксперименту по изоляции, должен быть просто открыт всему, что может произойти,— физически, умственно, чувственно».

И еще один вопрос: «Одиночество — хороший учитель, единственный учитель? Или одиночество отвлекает от постижения мудрости?» Ответ: «Одиночество требует помощи ассистентов, которыми являются сила воли и дисциплина».

После всех этих панегириков мужественной и мудрой «пещерной женщине» хочется сказать несколько слов в защиту мужчин — Джошуа Слокама и Ричарда Барда, о которых речь шла выше и которые далеко не так успешно справились с социальной изоляцией. Тем более, что эти слова защиты, с нашей точки зрения, высвечивают те существенные моменты, которые позволяют не превращать ситуацию социальной изоляции в ситуацию социальной депривации.

Стефания Фоллини, хотя и формулировала для себя цели эксперимента как познание себя, своих предельных возможностей и способностей, как бы тем самым замыкая ситуацию изоляции на себе, на самом деле находилась постоянно в интенсивном социальном контакте (пусть и через компьютер) с большой группой людей — организаторами эксперимента, учеными, журналистами и т. п. Возможно, ее социальные связи в период эксперимента были даже более насыщенными и сильными, чем в ее обычной жизни,— ведь она была центром эксперимента, «узлом» этих связей, если вспомнить известное выражение А. де Сент-Экзюпери. Мужчины-отшельники были в принципиально иной ситуации. Они не только реально были лишены какой бы то ни было связи с внешним миром, никак не общались с ним, но и поставленный каждым из них эксперимент над самим собой действительно замыкался на них. Социальные связи были сознательно порваны. Конечно, осталась некоторая общая связь с миром человеческой культуры, но она совершенно была лишена человеческих контактов.

Экстремальная форма социальной депривации возникает у человека в условиях тюрьмы, концентрационного лагеря. Знаменитый австрийский врач, психолог и психотерапевт

В.Франкл в своих работах подробно анализирует психологию узника, опираясь на собственный опыт пребывания в фашистских концлагерях во время II мировой войны.

Подробно описывая жестокие условия жизни, то, как они могут разрушать человека физически и морально, он ставил и пытался ответить на вопрос, что позволяет человеку в нечеловеческих обстоятельствах оставаться человеком. Он акцентирует два момента: опору на собственный внутренний мир - он должен быть богат - и постулирование свободы выбора и необходимость в каждый момент осознавать возможность такого выбора и пользоваться им.

Приведем соответственно два фрагмента из первой главы «Опыт переживаний в концентрационном лагере» его книги «Человек в поисках смысла: введение в логотерапию»:

«Вопреки вынужденной физической и психической примитивности лагерной жизни, можно было наблюдать углубление духовной жизни. Сенситивные люди, привыкшие к богатой интеллектуальной жизни, сильно страдали от боли (часто они были деликатной конституции), но нарушение их внутренней «самости» было меньше. Они были способны уходить от ужасного окружения к внутренне богатой жизни и духовной свободе. Только таким образом можно объяснить кажущийся парадокс, состоящий в том, что некоторые узники менее крепкого сложения часто, казалось, были способны лучше пережить лагерную жизнь, нежели люди физически крепкие» (1997, с.187-188).

«Мы, бывшие узники концлагерей, можем вспомнить тех людей, которые поддерживали других узников, делились с ними последним куском хлеба. Их могло быть немного, но они являют собой достаточное доказательство того, что все можно отнять у человека, за исключением одного: последней частицы человеческой свободы - свободы выбирать свою установку в любых данных условиях, выбирать свой собственный путь» (Там же, с.215).

Обратимся теперь к проблеме социальной депривации в детском возрасте.

Учитывая важность уровня личностной зрелости как фактора толерантности к социальной изоляции, можно с самого начала предположить, что чем младше ребенок, тем тяжелее для него будет социальная изоляция.

В книге И. Лангмейера и З. Матейчека (1984) приводится множество выразительных примеров того, к чему может привести социальная изоляция ребенка. Это и так называемые «волчьи дети», и знаменитый Каспар, Хаузер из Нюрнберга, и, к сожалению, не единичные трагические случаи из жизни современных детей, которых взрослые по каким-то причинам годами держали взаперти - в чуланах, подвалах, закрытых комнатах, не давая им возможности что-либо видеть и с кем-либо общаться. Все эти дети не умели говорить, плохо или совершенно не ходили, непрестанно плакали, всего боялись. Самое страшное, что, когда эта пытка одиночеством кончалась, они оказывались в нормальном мире и ими интенсивно начинали заниматься и профессионалы - врачи, психологи, педагоги, - то даже при самом самоотверженном, терпеливом и умелом уходе и воспитании такие дети за редким исключением на всю жизнь оставались ущербными.

Даже в тех случаях, когда благодаря подвижнической работе происходило развитие интеллекта, сохранялись серьезные нарушения личности и общения с другими людьми. На первых этапах «перевоспитания» дети испытывали очевидный страх перед людьми. Впоследствии боязнь людей сменялась непостоянными и слабо дифференцированными отношениями с ними. В общении таких детей с окружающими бросалась в глаза назойливость и неутолимая потребность в любви и внимании. Проявления чувств характеризовались, с одной стороны, бедностью, а с другой стороны, острой аффективной окрашенностью. Этим детям были свойственны взрывы эмоций — бурной радости, гнева и одновременно - отсутствие глубоких, устойчивых чувств. У них практически отсутствовали высшие чувства, связанные с глубоким переживанием искусства, нравственных коллизий. Следует отметить также, что они в эмоциональном отношении были очень ранимы, даже мелкое замечание могло вызвать у них острую эмоциональную реакцию, не говоря уже о ситуациях, действительно требующих эмоционального напряжения, внутренней стойкости.

Психологи в таких случаях говорят о низкой *фрустрационной толерантности*. К этому вопросу мы ниже еще вернемся.

Массу жестоких жизненных экспериментов на социальную депривацию поставила с детьми Вторая мировая война. Тщательное психологическое описание одного из случаев социальной депривации и ее последующего преодоления дали в своей знаменитой работе А.Фрейд и С.Дан.

Эти исследователи наблюдали за процессом реабилитации шести 3-летних детей, бывших узников концлагеря в Терезине, куда

они попали в грудном возрасте. Судьба их матерей, время разлуки с матерью были неизвестны. После освобождения дети были помещены в один из детских домов семейного типа в Англии в небольшом поместье Булдог Бэнкс. А.Фрейд и С.Дан отмечают, что с самого начала бросалось в глаза то, что дети являли собой замкнутую монолитную группу с чрезвычайно теплым отношением между ее членами. Между этими детьми не было зависти, ревности, они постоянно помогали и подражали друг другу. Вместе с тем симпатии детей не распространялись на людей, не входившим в их маленькую группу. На заботящихся о них взрослых дети либо вообще не обращали внимания, либо проявляли по отношению к ним отрицательные эмоции.

Приведем некоторые зарисовки авторов, дающие представления о характере той сплоченности, которая была у детей этой группы.

Когда дети только прибыли в детский дом, те из них, кто заболел, пытались по традиции поместить в другую комнату, как обычно это делается в детских учреждениях. Однако от этой практики пришлось отказаться, так как остальные дети не могли заснуть.

С детьми можно было пойти на прогулку, только если они были все вместе. В случае, когда кто-то из них оставался дома, другие не могли успокоиться, пока он к ним не присоединится.

Один из мальчиков - Поль, который любил кататься на пони, плакал, если ему случалось кататься одному, и успокаивался, только вернувшись ко всей группе.

Когда в группе появился еще один ребенок — приехавшая позже девочка (она также была освобождена из лагеря), ее мгновенно включили в группу. К моменту поступления этой девочки в группу остальные ее члены уже неплохо говорили по-английски, однако с ее появлением они вновь вернулись к той смеси немецких и чешских слов, на котором они говорили в лагере и на котором могла общаться эта девочка.

В итоге наблюдений и психотерапевтической работы с детьми А.Фрейд и С.Дан пришли к выводу, что к этим детям невозможно было относиться как к отдельным индивидам, но лишь как к группе как неделимому целому.

Таким образом, отношения внутри маленькой детской группы заменили ее членам нарушенные в концентрационном лагере отношения с окружающим миром людей. Тонкие и наблюдательные исследователи показали, что восстановить отношения удалось только через посредство этих внутригрупповых связей.

Похожую историю наблюдали И.Лангмейер и З.Матейчек «у 25 детей, которых насильно отобрали у матерей в рабочих лагерях и воспитывали в одном тайном месте в Австрии, где они жили в тесном старом доме среди лесов, без возможности выходить на двор, играть с игрушками или увидеть кого-либо иного, чем своих трех невнимательных воспитательниц. Дети после своего освобождения также сначала кричали целыми днями и ночами, они не умели играть, не улыбались и лишь с трудом учились соблюдать чистоту тела, к которой их ранее принуждали только грубой силой. По истечении 2—3 месяцев они обрели более или менее нормальный вид, причем и им при реадaptации сильно помогало «групповое чувство» (1984, С. 264). В современной психологической литературе вместо термина «групповое чувство» используется определение «Чувство МЫ».

Авторы приводят еще один интересный, с нашей точки зрения, пример, иллюстрирующий силу чувства «Мы» у детей из учреждений:

Стоит упомянуть об опыте тех времен, когда детей из учреждений обследовали в клинике, а не непосредственно в учрежденческой среде. Когда дети находились в приемной в крупной группе, то в их поведении не было каких-либо особенностей по сравнению с другими детьми дошкольного возраста, находившимися в той же приемной со своими матерями. Однако когда ребенка из учреждения выключали из коллектива, и он оставался в кабинете один с психологом, то после первой радости от неожиданной встречи с новыми игрушками его интерес быстро падал, ребенок становился беспокойным и плакал, «что дети у него убегут». В то время как дети из семей довольствовались в большинстве случаев присутствием матери в приемной и сотрудничали с психологом с соответствующей мерой уверенности, большинство детей дошкольного возраста из учреждений индивидуально исследовать не удавалось из-за их неприспособленности к новым условиям. Это удавалось, однако, когда в кабинет входило сразу несколько детей вместе и обследуемый ребенок чувствовал поддержку в остальных детях, которые играли в помещении. Дело здесь касается, по-видимому, того же проявления «групповой зависимости», которое — как мы уже упоминали — характеризовало в особо выраженной форме некоторые группы детей, воспитываемых в концентрационных лагерях, и превратилось также в основу их будущей реэдукации» (переучивания.— Авт.) (там же с.264).

Й.Лангмейер, З.Матейчек считают описанное проявление одним из наиболее важных диагностических показателей «депривации учрежденческого типа».

Представленные случаи позволяют прийти к выводу о том, что если для преодоления социальной депривации зрелый человек может найти опору в себе самом, в своем внутреннем мире, то для ребенка, не имеющего пока богатого внутреннего мира и зрелых личностных структур, возможным выходом оказывается единение с себе подобными, формирующим «чувство Мы».

Анализ показывает: чем старше дети, тем в более мягких формах проявляется социальная депривация и тем быстрее и успешнее происходит компенсация в случае специальной педагогической или психологической работы. Однако практически никогда не удается устранить последствия социальной депривации на уровне некоторых глубинных личностных структур. Многочисленные исследования показывают, что люди, перенесшие в детстве социальную депривацию, обычно продолжают испытывать недоверие ко всем людям, за исключением членов своей микрогруппы, перенесших то же самое. Они бывают завистливыми, чрезмерно критичными к другим, неблагодарными, все время как бы ждут подвоха со стороны других людей.

Думая о проблеме социальной депривации в детском возрасте, мы постоянно задавали себе вопрос, почему же она не возникала, например, у воспитанников Царскосельского лицея, который дал России плеяду ярких личностей, подлинных граждан, сынов Отчизны. Ведь с самого начала Лицей был задуман как предельно закрытое воспитательное учреждение, условия жизни в котором были довольно жесткими с точки зрения социальной изоляции.

По-видимому, это можно объяснить следующим. Хотя жизнь воспитанников Лицея была намеренно ограждена и от влияния семьи (родственники могли приезжать к ним только по праздникам), от обычной жизни и быта России того времени, все же они постоянно чувствовали неразрывную связь со всем тем, что происходило в России и в мире. Хрестоматийны в этой связи воспоминания лицеистов о том впечатлении, которое произвела на них Отечественная война 1812 года. Не будем приводить здесь всем известные стихи Пушкина «Вы помните, текла за ратью рать...», но приведем отрывок из воспоминаний И.И.Пушина.

«Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской; приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили

мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечной молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита!» (1975, с.24).

Эту идеальную связь, чувство единства, единения с миром профессора Лицея специально поддерживали и развивали. Вот как пишет об этом И.И.Пуцин: «Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский (профессор российской и латинской словесности.— Прим. И. И. Пуцина) читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов: читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось; опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам не доступное» (Там же, с.25).

Все лицеисты выросли людьми, говоря современным языком, в высшей степени социальными. Служение обществу, которое каждый из них понимал и осуществлял по-своему — будучи крупным государственным деятелем или декабристом, находящимся в оппозиции к правительству, поэтом или ученым,— было стержнем личностного существования. И тем трогательнее та «неразрывная, отрадная связь» (И.И.Пуцин) между лицеистами, которую они пронесли через всю свою жизнь и которая с годами не слабела, а только крепла. Так же, как маленьким узникам нацистских концлагерей, эта связь помогала лицеистам выстаивать в жизни. Так же, как у них, она рождала чувство «Мы», что гениально выразил А.С.Пушкин в стихотворении 1825 г.:

Друзья мои, прекрасен наш союз,
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Чувство общности, возникающее у детей, оторванных от семьи и от общества, от нормальной социальной жизни - в больнице, концентрационном лагере, в закрытом детском учреждении, - по-видимому, действительно очень важно. Благодаря ему возникает то чувство безопасности, защищенности,

«безусловного принятия», которое обычно дает ребенку семья, родной дом.

Тончайший психологический анализ этого момента мы находим в биографии А. С. Пушкина, написанной выдающимся отечественным ученым Ю. М. Лотманом. «Детство,— писал он,— слишком важный этап в самосознании человека, чтобы его можно было бы вычеркнуть, ничем не заменив. Заменой мира детства, мира, к которому человек, как правило, обращается всю жизнь как к источнику дорогих воспоминаний, мира, в котором он узнает, что доброта, сочувствие и понимание — норма, а зло и одиночество — уродливое от нее уклонение, для Пушкина стал Лицей» (1995, с.30). Для Пушкина, подчеркивает Ю. М. Лотман, Лицей всегда оставался родным домом, лицейские товарищи — братьями, а учителя — старшими друзьями.

* *
*

Нами были рассмотрены те виды психической депривации, которые часто сопутствуют материнской депривации. Мы не обсуждали такой важный и широко изучаемый, в частности, в психоаналитически ориентированных исследованиях вид депривации, как сексуальная, поскольку этот вид депривации, несомненно важный для жизни взрослого человека, с нашей точки зрения, не играет существенной роли в жизни ребенка. По прямо противоположной причине мы не рассматривали отдельно такой важный вид депривации, как эмоциональная, поскольку она по сути является сердцевиной материнской депривации.

Конечно, в чистом виде каждый из видов депривации можно выделить только в специальных экспериментах. В жизни они существуют в достаточно сложных переплетениях. Особенно трудно понять, как действуют отдельные депривационные факторы в детском возрасте, когда они накладываются на процесс развития, включающий в себя и физический рост, и созревание нервной системы, и формирование психики. Тем более это трудно в отношении материнской депривации, когда сенсорная, двигательная, социальная депривация являются ее следствием - следствием лишения ребенка с раннего возраста заботы матери, ее тепла.

Как уже отмечалось во введении, о такой депривации можно говорить не только в отношении брошенных детей, детей-сирот, больных детей, на длительный срок помещаемых в клиники без родителей, но и тогда, когда мать эмоционально холодна или слишком занята на работе. Материнская депривация является

сегодня важной социальной проблемой во всем мире, и наша страна не исключение.

II. Детско-родительские отношения: смена парадигмы

1. Идеология матернализма

«Первое слово младенца — «мама».

Не помню, сказал ли мне кто, в книге ли я прочел, что самое древнее слово, которое придумали первобытные люди, было именно «мама», а потому слово «мама» похоже во многих языках.

По-гречески — мётер, по-латыни — mater, по-французски — mere, по-немецки — Mutter.

Моя мама — ma mere — meine Mutter — mea mater — mia mётер.

Уже младенец знает свою мать. Еще ни говорить, ни ходить не умеет, а уже тянет ручонки к матери. Узнает ее и на улице, когда она подходит, еще издали улыбается. Даже ночью узнает по голосу, по дыханию. Даже слепые от рождения и ослепшие дети, касаясь рукой лица матери, узнают ее и говорят:

«Мама — мамуся — мамочка».

Когда читаешь эти строки врача, педагога, гуманиста Януша Корчака (1979, с.302), они кажутся безусловно справедливыми и выражающими некоторую вечную истину.

Поддаешься обаянию того неподдельного чувства, которое он вкладывает, убеждая людей, и в первую очередь матерей, любить ребенка, говоря о ничем не заменимой значимости связей между матерью и ребенком, их эмоционального контакта.

К концу XX века, по крайней мере в психологической и педагогической литературе, это стало почти банальностью, расхожим местом публицистических, да и научных статей. Вместе с тем, в начале XX века в исторической и культурологической литературе была сформулирована прямо противоположная точка зрения, согласно которой *матернализм* - признание особой ценности материнства - отнюдь не вечная, а исторически преходящая форма отношений матери и ребенка.

2. Материнство как исторический миф

Одним из переломных открытий XX века стало резкое изменение отношения к прошлому. На смену представления об

истории как о локомотиве, который едет в одну сторону и в правильном направлении, пришло ясное понимание того, что историческое развитие человечества не является столь прямолинейным, что к прошлому надо относиться как к Другому. Разные эпохи нельзя сравнивать по линии «хуже-лучше», «больше-меньше». Они не могут быть поняты простым наложением современных представлений на давно прошедшее время. Возникли новые отрасли наук - культурология, историческая социология, историческая психология (психоистория) и др.

Ученые, работающие в этих областях, показали, сколь своеобразной и не сводимой к современным представлениям была жизнь людей в разные периоды истории, в разных культурах. Основополагающим стало положение о том, что люди в иные времена могли вести себя совершенно не так, как современные, и в то же время быть не менее разумными и здоровыми.

Применительно к интересующей нас проблеме одной из первых была работа французского историка Филиппа Арьеса, изданная на русском языке в 1999 г..

Анализируя как в разные исторические периоды детей одевали, учили, изображали на иконах и картинах, какими игрушками и в какие игры они играли, Ф.Арьес пришел к выводу, что детство и материнство в их современном понимании возникли в странах Запада лишь в середине XVIII века.

Книга Ф.Арьеса после ее опубликования во Франции в 1960 г., вызвала огромный, почти скандальный резонанс, стимулировав многочисленные исследования проблемы. Одно из них - работа французской исследовательницы Э.Бадинтер «Любовь в дополнение: история материнской любви (XVII-XX в.в.), опубликованная в 1980 г.. Э.Бадинтер оценивает многовековой период до середины XVIII века как «период материнского безразличия». По ее мнению, вплоть до конца XVIII века материнская любовь была социально случайным явлением.

Автор рассматривает материнство как «изобретение» капитализма, причем «изобретение» для богатых, в то время как бедные и в последующие десятилетия продолжали «страдать от отсутствия положительных эмоциональных связей». Важную роль в становлении феномена материнства Э.Бадинтер отводит книге Ж.-Ж.Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1792), после которой материнская любовь превращается в признанную культурную ценность.

Постепенно в обществе, пишет Э.Бадинтер, начинает увеличиваться объем заботы о детях, возникает педиатрия как специальный раздел медицины, и ребенок становится центром семьи. При этом главная ответственность за него возлагается на мать. Если раньше передача ребенка кормилице, воспитание его другими людьми и даже смерть ребенка воспринимались достаточно хладнокровно, как абсолютно естественные явления, то с конца XVIII века матери совершенно по-другому начинают относиться к своим детям. Не любить детей стало стыдно.

На основании своего анализа Э.Бадинтер пришла к следующему выводу:

«...материнский инстинкт — это миф. Мы не обнаружили никакого всеобщего и необходимого поведения матери. Напротив, мы констатировали чрезвычайную изменчивость ее чувств в зависимости от ее культуры, амбиций или фрустраций. Материнская любовь может существовать или не существовать, появляться или исчезать, быть сильной или слабой, избирательной или всеобщей. Все зависит от матери, от ее истории и от Истории...» (Цит. по: И.С.Кон, 1988, с. 227).

Книга Э. Бадинтер вызвала широкую полемику, возможно потому, что выводы ее оказались для современного человека шокирующими, настолько сегодня в обществе укоренилось и стало безусловным представление о материнстве, о ребенке, о детстве как о высших ценностях. Многие ученые говорят в этой связи о «детоцентризме» как существенной характеристике современной культуры. Но некоторые приходят к выводу, что и детоцентризм также исторически преходящ, как предшествовавшие ему центрации на зрелом человеке или, еще ранее, на старике.

«Похоже на то, - незадолго до смерти говорил Ф.Арьес, - что наше общество перестает быть «детоцентрическим», каким оно стало только с XVIII века. Это значит, что ребенок, к добру или к худу, утрачивает свою запоздалую и, может быть, чрезмерную монополию и занимает менее привилегированное место. XVIII—XIX века заканчиваются на наших глазах» (Цит. по: И.С.Кон, 1988, с.228-229).

Важным фактором изменения детско-родительских отношений является также распад нуклеарной семьи. Приведем в этой связи мнение Р.Шпица:

«В течение последних трех столетий мы подверглись по меньшей мере двум весьма существенным трансформациям

такого рода (Р.Шпиц имеет в виду резкие изменения социальных условий в результате экономических, идеологических, технологических и прочих сдвигов - Авт.):

- 1) *постепенному упадку патриархальных авторитетов в результате распространения протестантизма;*
- 2) *быстрому ухудшению отношений мать-дитя, начавшемуся примерно сто лет назад с развитием индустриальной промышленности. Соответствующее изменение идеологии позволило вовлечь также и мать в фабричную работу...*

Эти два фактора, упадок патриархальных авторитетов и отсутствие матери, обеспечили условия для стремительного распада традиционной западной семьи. Последствия дали о себе знать в нарастающей подростковой преступности и во все увеличивающемся количестве неврозов и психозов среди взрослых членов западного общества (Р.Шпиц, 2000, с. 291-292).

3. Психоистория стилей воспитания

Сходные идеи развивает известный американский психолог Ллойд Де Моз.

Свою книгу «Психоистория» Л. Де Моз открывает словами:

«История детства - это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться. Чем глубже в историю - тем меньше заботы о детях и тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным и сексуально оскорбленным» (2000, с.14).

На основании глубокого анализа исторического материала он выделяет шесть последовательных этапов смены стилей воспитания на протяжении истории европейского общества. Перечислим и кратко охарактеризуем эти стили, убрав сугубо психоаналитическую интерпретацию их автором.

1. *Стиль детоубийства* (от античности до IV века н.э.). В те времена считалось возможным или даже целесообразным убить собственного ребенка в том случае, если его будет трудно воспитать или прокормить.

Дети вообще не рассматривались как ценность, на них скорее смотрели, как на в известном смысле полезное для жизни средство. Считалось, отмечает Л.Де Моз, что не родители должны заботиться о детях, а, напротив, дети - о родителях, причем не только тогда, когда дети станут

взрослыми, а родители – стариками, но и в детстве: дети должны были прислуживать родителям за столом, все делать по хозяйству, заботиться о младших братьях и сестрах и т.п..

Олицетворением стиля детоубийства является Медея, героиня трагедии Еврипида. Перед тем как убить своих детей она скорбит не о них, а о том, что некому будет позаботиться о ней:

О горькая, о гордая Медея!
 Зачем же вас кормила я, душой
 За вас болела, телом изнывала
 И сколько мук подъяла, чтобы вам
 Отдать сиянье солнца?.. Я надеждой
 Жила, что вы на старости меня
 Поддержите, а мертвую своими
 Оденете руками. И погибла
 Та сладкая мечта²

2. *Оставляющий* стиль (IV-XIII в.в. н.э.). В ребенке начинают видеть человека, наделенного бессмертной душой, однако он видится полным зла. Для воспитания ребенка считается правильным быть с ним эмоционально холодным, строго наказывать и даже бить, а при необходимости отправлять на воспитание кормилице, в монастырь, в приюты, в другую семью и т.п.

3. *Амбивалентный* стиль (XIV-XVII в.в.). Начало этого этапа Л. Де Моз относит к XIV веку, связывая это с появлением большого числа руководств по воспитанию детей, распространением культа девы Марии и появлением в искусстве образа заботливой матери. Вместе с тем, природа ребенка по-прежнему оценивается как злая и требующая последовательного и жесткого отношения воспитателей. Задачей родителей было «отлить ребенка в форму», «выковать». У философов, вплоть до Локка, популярной метафорой становится сравнение детей с мягким воском, глиной, которым надо придать форму (ср. «формирование личности»). Из русского языка сейчас почти ушел хорошо описывающий этот стиль глагол «школить».

4. *Навязывающий* стиль (XVIII в.). Этот период характеризуется резким переломом в отношении родителей к детям. Л.Де Моз отмечает:

² Еврипид. Медея. Пер. И.Анненского// Еврипид. Трагедии: В 2 т. М., 1969. Т.1, с.152.

«Когда ребенок воспитывался такими родителями, его нянчила родная мать; он не подвергался пеленанию и постоянным клизмам; его рано приучали ходить в туалет, не заставляли, а уговаривали; били иногда, но не систематически; провинившись заставляли часто с помощью слов. Угрозы пускались в ход гораздо реже, так что стала вполне возможной истинная эмпатия» (2000, с.85).

Родители старались тесно сблизиться с ребенком, обрести власть над его умом и таким образом контролировать его внутреннее состояние, потребности, волю.

5. *Социализирующий* стиль (XIX – середина XX века). Следование этому стилю предполагает не столько овладение волей ребенка в процессе воспитания, сколько в тренировке ее и направлении на правильный путь. Ребенка социализируют, учат адаптироваться к обстоятельствам. Идеи социализирующего стиля живучи до сих пор. Л.Де Моз замечает, что этот стиль отношений стал основой всех психологических моделей воспитания XX века - от фрейдовской «канализации импульсов» до скиннеровского бихевиоризма. Добавим к этому, что идеи социализирующего стиля лежали в основе советской педагогики (А.С.Макаренко и др.) и являются основой многих современных психолого-педагогических концепций.

Своеобразным выражением социализирующего стиля являются, с нашей точки зрения, и популярные до настоящего времени психологические тренинги.

6. *Помогающий* стиль (с середины XX века). Этот стиль основан на примате тесных эмоциональных связей между ребенком и родителями. Л.Де Моз особо подчеркивает, что в жизни ребенка участвуют оба родителя, которые понимают и удовлетворяют его растущие индивидуальные потребности. Природа ребенка оценивается как принципиально добрая, способная к развитию. Поскольку этот стиль сегодня рассматривается как предпочтительный, приведем достаточно обширную цитату из Л.Де Моза, с нашей точки зрения, весьма точно описывающего этот стиль:

«Не делается совершенно никаких попыток дисциплинировать или формировать «черты». Детей не бьют и не ругают, им прощают, если они в состоянии стресса устраивают сцены. Такой стиль воспитания требует огромных затрат времени, энергии, а также бесед с ребенком, особенно в первые шесть лет, потому что помочь ребенку решать свои ежедневные задачи невозможно, не отвечая на его вопросы, не

играя с ним. Быть слугой, а не повелителем ребенка, разбираться в причинах его эмоциональных конфликтов, создавать условия для развития интересов, уметь спокойно относиться к периодам регресса в развитии - вот что подразумевает этот стиль ... Из книг, в которых описываются дети, воспитанные в помогающем стиле, видно, что в итоге вырастают добрые, искренние люди, не подверженные депрессиям, с сильной волей, которые никогда не делают «как все» и не склоняются перед авторитетом» (Там же, с.86).

Огромный вклад в развитие и теоретическое обоснование такого подхода внесла гуманистическая психология и прежде всего работы К.Роджерса.

С его точки зрения, главное в отношении всякого взрослого к ребенку -

«Это забота, но забота не собственническая. Это принятие другого человека как автономной личности, обладающей собственной ценностью. Это базовое доверие - изначальная вера в то, что другому человеку можно доверять» (2002, с. 229)

4. Материнство как социокультурный феномен

С идеями Ф.Арьеса, Э.Бадинтер, Л.Де Моза и их единомышленников - эти идеи прямо следует назвать крайними, - не согласны многие современные отечественные и зарубежные историки и культурологи³. Суть критики состоит в том, что в более ранние периоды развития человеческого общества и, в частности, в Средние века отношение к детям совсем не обязательно было суровым и холодным, но могло быть и нежным, и ласковым, что подтверждается многими конкретными исследованиями, опирающимися на документальные свидетельства. Подчеркивается, что для каждой эпохи характерно свое понимание материнского феномена и материнской любви. Исследования, направленные на изучение материнской идентичности («хорошего материнства»), привели к выводу о том, что в разные времена, как современные, так и давно

³ Информативные обзоры исследований по истории материнства даны в работах И.С.Кона (1988), Н.Л.Пушкаревой (2003), Г.Г.Филипповой (1999) и др.

прошедшие, материнство формирует одно из важнейших «пространств» духовного и социального мира женщины.

Однако и те, кто рассматривают материнство как сравнительно поздний продукт исторического развития, и те, кто полагают, что в той или иной форме феномен материнства существовал всегда, сегодня согласны с тем, что в истории детства и материнства можно выделить две эпохи - до XVIII века и после него. И эти изменения связаны с возникновением «индивидуализированной и интимизированной» семьи буржуазного типа.

Подтверждением значения XVIII века как переломного в отношении детства и материнства может служить то, что именно в первой половине XVIII века, в 1722 году, английский врач Г.Армстронг основал первую в мире детскую поликлинику. Его начинание было встречено в Англии с большим энтузиазмом, и ему предлагали создать детскую больницу. Он, однако отказался, аргументируя это так:

«Отрывать больных детей от родителей - жестоко, а приставить к каждому ребенку сестру просто невозможно, так как на это не хватит ни персонала, ни средств» (цит. по: Э.М.Рутман, Н.В.Искольдский, 1987, с.7).

По мнению ряда ученых-историков, второй период европейской истории материнства, начавшийся в XVIII веке, можно считать завершившимся в 20-е г.г. XX века, когда термин «материнство» вошел в обиход «европейского публичного дискурса», когда материнство из «природного атрибута» женщины превратилось в общественную проблему, о которой заговорили социальные работники, педиатры, гигиенисты, педагоги. Материнство и детство впервые стало предметом психологических исследований.

5. Этнопсихология материнства

В начале 60-х годов XX века в Женеве состоялся международный симпозиум по проблемам развития, которому суждено было занять совершенно особое место в истории психологии и смежных наук. Впервые проблема развития решалась на нем объединенными усилиями психологов, биологов, психиатров, этологов (специалистов по поведению животных), социальных антропологов, этнографов, электрофизиологов, т. е. специалистами целого ряда научных дисциплин.

Огромный интерес вызвал доклад американской исследовательницы Маргарет Мид о том, как растут дети на Самоа, в племенах, сохранивших первобытную культуру.

Обратимся к работам М.Мид с точки зрения интересующей нас проблемы взаимоотношений матери и ребенка. Вот как она описывает момент рождения и самых первых контактов матери и ребенка у представителей традиционных культур:

«Дням рождения не придают значения на Самоа. Но появление на свет ребенка, как таковое, в семье высокого ранга предполагает устройство большого праздника и значительные расходы... Во время самих родов может присутствовать мать или сестра отца. Они заботятся о ребенке, а повитуха и родственники женщины ухаживают за самой роженицей. Сами роды — отнюдь не интимное дело. Приличия требуют, чтобы роженица не корчилась от боли, не кричала, никак не возражала против присутствия двадцати или тридцати людей в доме, которые, если надо, будут сидеть около нее сутками, смеяться, шутить, развлекаться... Повитуха перерезает пуповину новым бамбуковым ножом, а затем все нетерпеливо ждут, когда выйдет послед — сигнал к началу празднества... Затем гости расходятся по домам, мать поднимается с постели и приступает к своим обычным делам, а ребенок вообще перестает вызывать большой интерес у кого бы то ни было» (1988, с. 99).

Мать довольно долго (до двух-трех лет) кормит своего ребенка, спит с ним вместе, но отнюдь не отношения матери и ребенка, считает автор, выступают в качестве главного фактора развития. Чаще всего ребенка воспитывает не мать, а другой ребенок, чуть постарше, обычно шести-семилетняя девочка. Причем именно между этой девочкой и младенцем (а не между младенцем и матерью) возникают наиболее сильные эмоционально насыщенные связи.

«Первые проявления материнских инстинктов девочки никогда не изливаются на ее собственных детей, но на кого-нибудь из ее младших родственников... Младшее поколение, в свою очередь, изливает свое материнское тепло на тех, кто еще младше, не обнаруживая при этом особой привязанности к воспитателям и взрослым» (Там же, с. 112).

При этом, как отмечает М.Мид, ни одна мать на Самоа не станет утруждать себя заботой о воспитании своего младшего ребенка, если есть какой-нибудь ребенок постарше, на которого можно эту ответственность возложить. Вообще сама организация жизни на Самоа такова, что ведет к ослаблению роли разных видов глубокой эмоциональной привязанности, по крайней мере

с тем, как это принято в западной культуре. На Самоа ребенок очень рано отделяется от семьи, вступая в разветвленную сеть отношений, которая гораздо шире семейного круга. Это сильно отличается от западной модели семейной жизни, протекающей в ограниченном семейном кругу и придающей большое значение любви, отношениям привязанности и зависимости.

«Самоанские родители, - пишет М.Мид, - сочли бы непристойными и отвратительными любые моральные увещевания, взывающие к чувству личной привязанности ребенка: «Веди себя хорошо - пожалей мать», «Хотя бы ради отца сходил в церковь», «Оставь в покое сестру, ты видишь, как отец переживает» (1988, с. 159).

Таким образом, мы видим, что в племенах на острове Самоа те необходимые для развития ребенка социальные и эмоциональные связи, которые в современной европейской культуре являются прерогативой нукlearной семьи и чаще всего рассматриваются в диаде «мать-ребенок», реализуются совершенно иначе — через связи старших и младших детей, вообще через участие всех членов рода в воспитании детей. Ребенок при этом не обделен заботой, эмоциональным теплом и защитой, но все это встроено в принципиально иную систему, не использующую эмоциональную привязанность как средство достижения нужного поведения.

В работах М.Мид мы находим множество ярких и интересных примеров, иллюстрирующих принципиальную возможность существования других отношений между матерью и ребенком, отцом и ребенком, чем это принято в нашей культуре - отношений, возможно, не менее продуктивных. Приведем еще один фрагмент, в которой М.Мид, опираясь на свои наблюдения за развитием детей в племени манус (Новая Гвинея), размышляет о роли отца и матери в воспитании ребенка.

«В семье главную роль играет отец — нежный, заботливый, терпеливый защитник. Привязанности к ребенку матери отводится меньше места. Нам, привыкшим к семье, в которой отец — суровый и несколько отделенный диктатор, а мать ребенка — его защитница и адвокат, интересно будет найти общество, в котором отец и мать поменялись местами. Психиатры работали над психологическими проблемами мальчика, вырастающего в семье, где отец играет роль патриарха, а мать — мадонны. Сегодня манус показывает, какую творческую роль может играть в положительном формировании личности сына любящий, нежный отец. Отсюда напрашивается вывод, что разрешение семейных

проблем кроется, может быть, не в отказе отца и матери от своих ролей, как считают некоторые энтузиасты, а в том, чтобы они дополняли друг друга» (Там же, с.76).

6. Пост-, ко- и префигуративные культуры

Изменение парадигмы детско-родительских отношений может быть вписано в контекст идей М.Мид о последовательной смене культур:

«Постфигуративной, где дети прежде всего учатся у своих предшественников, кофигуративной, где дети и взрослые учатся у сверстников, и префигуративной, где взрослые учатся также у своих детей» (Там же, с. 322).

По мнению М.Мид, во второй половине XX века человечество начинает переходить к префигуративной культуре, подразумевающей совершенно иные формы взаимоотношений детей и взрослых. Отметим в этой связи, что описанный Л. Де Мозом «помогающий стиль» только и может обеспечить эффективное развитие ребенка, адекватное задачам префигуративной культуры.

Поражает прозорливость этой женщины, которая почти сорок лет назад писала:

«В прошлом, несмотря на долгую историю кофигуративных механизмов передачи культуры и широкое признание возможностей быстрого изменения, существовали громадные различия в том, что знали люди, принадлежащие к различным классам, регионам и специализированным группам в какой-нибудь стране, равно как и различия в опыте народов, живущих в разных частях мира. Изменения все еще были относительно медленными и неровными. Молодые люди, жившие в некоторых странах и принадлежавшие к определенным классовым группам знали больше, чем взрослые в других странах или же взрослые из других классов. Но всегда были взрослые, знавшие больше, опыт которых был больше, чем знание и опыт любого молодого человека.

Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих

друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» (Там же, с. 361).

7. Материнство и национальные традиции

Характер материнской заботы различен не только в разные исторические времена, не только на разных стадиях развития человеческого общества, но и в странах, существующих в одно и то же время и сравнимых по уровню цивилизационного развития, но отличающихся, вместе с тем, по своим культурным традициям. Об этом свидетельствуют многочисленные кросскультурные исследования. Приведем в качестве примера исследование профессора Южнокалифорнийского университета Н. Инамото, в котором сопоставлялось поведение американских и японских матерей, ухаживающих за грудными младенцами.

Важно подчеркнуть, что это сравнительное исследование проводилось в двух на сегодняшний день наиболее экономически развитых странах — США и Японии, - которые при этом существенно различаются по своей истории и культурным традициям. Последнее ярко проявляется в широко известных различиях национального характера, поведения, норм и ценностей, жизненных устремлений, различий в подходе к решению тех или иных проблем..

Н. Инамото решил выяснить, как влияет на особенности формирования характера американцев и японцев ранний опыт общения ребенка с матерью. Для этого был проведен трехлетний психологический эксперимент в Вашингтоне, Токио и Киото, в котором ежедневно в течение четырех часов каждые 15 секунд фиксировалось поведение американских и японских матерей.

Результаты систематического программированного наблюдения показали следующее. Японские матери мгновенно реагируют на каждое требование ребенка, при любом крике малыша берут его на руки, укачивают, нянчат. Особое значение придается невербальному, прежде всего тактильному контакту матери и ребенка: материнские объятия дают ребенку ощущение защищенности и покоя. Если по каким-то причинам мать отсутствует - обычно это продолжается недолго, - то другие члены семьи: бабушка, дедушка, старшие дети - полностью повторяют поведение матери, так что японскому малышу абсолютно незнакомо чувство одиночества, потерянности.

Американская мать ведет себя по-другому. Она взаимодействует с грудным ребенком, воздействуя на его поведение преимущественно словами. Когда ребенок плачет, капризничает,

она не пытается, как японка, заслонить своей любовью и теплотой от внешнего мира, а старается переключить внимание расстроенного малыша на то, что происходит вокруг. Она убеждена, что тем самым она способствует пробуждению у малыша интереса к окружающему миру.

Как можно интерпретировать эти данные? Какая же из моделей общения матери с ребенком лучше — американская или японская? Ответить на этот вопрос, по-видимому, следует так: для жизни в американском обществе лучше американская модель, для жизни в японском обществе — японская. Если взглянуть на японскую модель глазами американки, то можно сказать, что с первых шагов жизни японец лишен всякой возможности побыть одному, ощутить себя чем-то отдельно существующим, автономным. Напротив, японская мать может расценить поведение американской как бездушное, холодное, безответственное.

В американском обществе более всего ценятся самостоятельность, независимость. Американские родители уже с первых дней жизни ребенка склонны воспринимать его как суверенного индивида, считая, что только независимый человек может стать свободной, самостоятельной личностью. Право сохранять автономию признается и за матерью. Показателен в этом смысле фрагмент из статьи американской журналистки А.Квиндлен «Машина для малыша», опубликованный в газете New York Times.

«... изобретатели... рюкзачка для ношения ребенка... так и не получили Нобелевской премии. Я этого не понимаю. В их лице (я предпочла бы, чтобы это были женщины) мы видим тех, кто изобрел нечто, что возвратило этих людей к жизни. Они могут теперь выбирать апельсины в супермаркете, листать журналы, они могут пробовать помаду на тыльной стороне руки - и все это несмотря на то, что несут ребенка» (по: Н.Ньюкомб, 2002. с.129).

В японской традиции самостоятельность и независимость не представляют ценности и скорее рассматриваются как иллюзия. Отношения человека с другими людьми видятся как иерархия зависимостей - от кого-то зависишь ты, кто-то зависит от тебя. Поэтому цель воспитания - научить ребенка существовать в системе разного рода зависимостей, умение вписаться в определенную группу (в семье, на работе), интересам которой человек подчиняет свои интересы. Японские матери

придают социальным взаимодействиям даже *большее* значение, чем исследовательской активности, целенаправленно содействуя развитию такой психологической характеристики ребенка, которую называют «амие» - состояния тотальной зависимости ребенка от матери. Формирование здорового чувства «амие» - рассматривается в японской системе воспитания как высоко адаптивная характеристика, как признак надежности привязанности, так как является этапом развития общественной ориентации, ценимой в японской культуре (Посада, 1995, 1999, Розенбаум, Потт и др., 2000). Поэтому, начиная с младенческого возраста, контакты мать — дитя воспроизводят такие отношения между людьми, при которых один — младший — полностью полагается на защиту, помощь, ласку, баловство со стороны сильного — старшего.

8. Материнство и смена поколений

Американский психолог Ю.Бронфенбреннер, выступая однажды в Психологическом институте РАО (Москва), рассказал о проведенном им интересном в контексте обсуждаемой проблемы исследовании.

Ю. Бронфенбреннер изучал влияние характера взаимоотношений ребенка с родителями на его дальнейшую жизнь. Особое внимание он уделял стилю семейного воспитания. Ю. Бронфенбреннер сопоставил два стиля воспитания: эмоционально теплого и холодного, отстраненного. Выявилось, что распространенное в западной психологии представление о несомненном преимуществе эмоционально теплого стиля оказывается далеко не всегда справедливым. Приведем некоторые из его аргументов.

В 30-е годы XX века, - рассказывал Ю.Бронфенбреннер, - для многих семей США была характерна такая ситуация. Старших детей, которые росли в условиях достаточно стабильного и благополучного общества, родители воспитывали, руководствуясь традиционной американской моделью. С наступлением Великой депрессии, сильного экономического спада, положение во многих семьях резко изменилось. Во всем разуверившееся, часто безработные родители не могли больше обеспечивать семью и мало влияли на развитие младших детей, пустив его по существу на самотек. В результате через несколько лет в жизнь, совпавшую с периодом бурного возрождения экономики, вошли, с одной стороны, старшие дети, воспитанные в традиционном духе, а с другой стороны, младшие, - росшие, «как

трава под забором», не скованные никакими условностями, с детства приученные сами думать о себе. Именно эти вторые оказались активными участниками общественного процесса, быстро сделали карьеру и многого добились в жизни. Первые же чаще оказывались на обочине и не могли приспособиться к резко изменившейся, ставшей нетрадиционной жизни.

Другой пример Ю.Бронфенбреннера. В 50—60-е годы XX века в США была очень модной система доктора Б.Спока, воплощающая в себе все лучшее, что есть в либеральном, эмоционально теплом, ориентированном на высвобождение всех творческих способностей человека воспитании (эта система до настоящего времени популярна во многих странах мира, в том числе и у нас). Почти каждая американская мать в то время стремилась воспитывать своего ребенка «по Споку». В результате в 70—80-е годы в жизнь вошло поколение добрых, отзывчивых, творческих, короче, «приятных во всех отношениях» молодых людей. Ю. Бронфенбреннер хорошо знал это поколение, потому что именно такими были многие его студенты 80-х. Но, по его словам, американское общество в это время переживало своеобразный застой, потерю ориентиров, какой-то ведущей тенденции. И вот в этом слабо структурированном обществе, непонятно куда движущемся, «дети Спока» оказались не у дел — ни их креативность, ни их доброта и способность к альтруистическим действиям не были востребованы. Карьеру делали совсем другие, росшие в жестких, авторитарных, более традиционных семьях.

Исследование Ю.Бронфенбреннера интересно не только потому, что демонстрирует относительность прогностической оценки эффективности того или иного стиля детско-родительских отношений, но и потому, что акцентирует внимание на психологическом аспекте межпоколенческого взаимодействия.

Проблема связи поколений, трансляции опыта, на сегодняшний день мало изученная в психологии, имеет вместе с тем существенное значение в плане изучения материнской депривации. Напомним в этом контексте работу американского ученого Т.К.Н.Гиббенса (1963), посвященную делинквентному поведению несовершеннолетних. Анализируя причины, порождающие делинквентность, автор показывает, что социальные проблемы одного поколения всегда находят специфический отклик в психологических проблемах следующего.

Позволим себе в этой связи высказать гипотезу, что распространенность проявлений у детей в современном российском обществе последствий материнской депривации

(безнадзорность, социальное сиротство, эмоциональная отчужденность, детские правонарушения) уходит корнями в проблемы родителей и прародителей. Сегодняшние дети родились в эпоху резкой смены общественного уклада, в начале 90-х г.г. XX века, когда огромное количество наших сограждан оказались в состоянии социального стресса, потери ориентиров, растерянности. Это объясняется тем, что они были воспитаны в тоталитарном обществе с четкой регламентацией прав и обязанностей, норм и ценностей, моделей поведения. Особо отметим патерналистский характер советского общества, соответственно формирующий рентную установку у его членов. При этом общество по сути не развивалось, находилось в периоде стагнации, застоя. Другими словами, пользуясь определением М.Мид, культуру этого общества можно оценить как постфигуративную. Люди, так воспитанные, оказались не готовыми вписаться в новую, стремительно изменяющуюся жизнь.

В этом состоянии растерянности, крушения системы ценностей многие не могли найти работу, средств к существованию, резко скатывались вниз по социальной лестнице. Потеряв уверенность в себе, в своем завтрашнем дне, они испытывали сильную тревогу, депрессию и не могли защитить своих детей ни материально, экономически, ни психологически, не могли образовать устойчивых, теплых, эмоциональных связей с ними, создать у них чувство защищенности. Именно дети таких родителей составляют сегодня достаточно большой процент беспризорных, безнадзорных детей, воспитанников детских учреждений. Конечно, как и десятилетия назад, среди беспризорников и воспитанников детских учреждений довольно много детей потомственных алкоголиков, и правонарушителей, но их количество незначительно отличается от того, что было раньше. Выдвигая эту гипотезу, мы опираемся на результаты выборочных исследований и собственные наблюдения, не имея возможности использовать результаты надежных статистических данных

9. Роль отца в развитии ребенка

Долгое время отрицательные последствия нарушения нормальных детско-родительских отношений рассматривались исключительно с точки зрения разрыва или искажения связи ребенка с матерью, чем, собственно, объясняется и повсеместное предпочтение термина «материнская депривация»

другим - таким как, например, «отцовская депривация» или «родительская депривация». Однако в самое последнее время наблюдается явная тенденция включать в контекст обсуждения проблемы депривации и рассмотрение роли отца.

Для психологии давно, по крайней мере со времен работ З.Фрейда, очевидна специфическая и ничем не заменимая роль отца.

«Фигура отца» является одним из основополагающих понятий и даже объяснительных принципов психоанализа, хотя эту позицию неоднократно критиковали за декларативность и внеисторичность.

В XX веке появилось множество исследований, которые показали, как на протяжении истории менялся феномен отцовства. Заметим, что в последние годы эти изменения даже более значительны, чем изменения феномена материнства. Если материнство трудно оторвать от его биологической, инстинктивной основы, то отцовство - феномен преимущественно социальный и поэтому подвержен относительно более резким изменениям, зависящим, в частности, от господствующего типа семьи и ее места в обществе.

Постоянно растущее число исследований, большинство из которых было проведено в конце прошлого - начале настоящего века⁴, демонстрируют наличие двух важных сторон в понимании отцовства как социального института и фактора развития ребенка.

1. Акцентирование особой роли отца в становлении личности ребенка, принципиального отличия этой роли от роли матери.

Было показано, что в отличие от матерей, который значительную часть проводимого с ребенком времени тратят на уход и заботу, отцы прежде всего играют с ребенком, ведут себя с ним как товарищи по играм. Они тратят на эти игры в 4-5 раз больше времени, чем на кормление, переодевание, гигиенические процедуры и т.п.

Общаясь с ребенком, подбрасывая его, щекоча, возясь с ним, устраивая игры-потасовки, отцы оказывают значительно сильнее, чем матери, развивают органы чувств ребенка, его моторику, пробуждают его активность.

Эти же исследования показывают, что матери, в свою очередь, больше, чем отцы, разговаривают с ребенком, чаще

⁴ см., например, Парке, 1995, де Люше, Дж.Дэвис, 1991, Ж Кранлей и Шеррд, 1984, Путтит и др, 1998

играют с ним в традиционные игры (типа «ку-ку», «ладушки», «коза рогатая», «прятки» и т.п.), читают им.

Ряд отличий в отцовских и материнских функциях был выявлен в исследованиях Р.Парке, который считается одним из ведущих исследователей роли отца в развитии ребенка. В частности, им было показано следующее:

- ◆ дети, которых отец помогал пеленать, купать и кормить, оказываются в дальнейшем более терпеливыми к присутствию незнакомого человека;
- ◆ уже в раннем детстве ребенок по-разному относится к отцу и матери: если ему требуется забота и ласка, он обращается к матери, а если ему хочется поиграть - к отцу (двое из трех детей, которые учатся ходить, выбирают в качестве партнера для игры именно отца); глядя на мать ребенок чаще улыбается, а глядя на отца - смеется и т.п.;

Интересны данные исследований, касающиеся неполных семей, в которых дети растут без матери, только с отцом. В таких семьях, естественно, отцы много времени тратят на заботу о ребенке и уход за ним. Однако все равно они значительно больше, чем матери в неполных семьях играют с детьми, и игры эти более активные.

Однако не эти различия оказываются наиболее существенными. Наиболее существенным и практически ничем не заменимым оказывается воздействие отца на становление психосексуальной идентичности, гендерной роли как мальчиков, так и девочек.

Исследования и психотерапевтическая практика свидетельствуют о пагубности смешения мужской и женской роли в семейном воспитании, их подмены друг другом. Так, криминологи связывают делинквентность подростков с воспитанием в неполной семье, прежде всего с отсутствием отца или заменяющего его лица. Сексологи, в свою очередь, видят причину ряда форм мужской импотенции с тем, что мальчиков воспитывали одинокие, авторитарные матери. Психологи также считают, что многие личностные нарушения определяются тем, что в семье нет отца.

Проблема мальчиков, воспитывающихся без отца, как правило, коренится в том, что ему в качестве общественно одобряемой навязывается женская модель поведения. В подростковом возрасте, пытаясь утвердить себя как мужчина, он активно отвергает такую модель, что нередко приводит к дезорганизации поведения и трудностям в развитии личности.

Для формирования *гендерной идентичности* девочки отец также необходим, но совершенно по-иному. Девочка становится уверенной в себе девушкой и женщиной лишь в зеркале взгляда и отношения к себе со стороны лишь бескорыстно и безусловно любящего ее мужчины. Кроме того, для построения женской идентичности девочки важна возможность оттолкнуться от противоположной гендерной модели, соотнести себя с ней.

Эти и многие другие подобные объяснительные конструкции сегодня достаточно широко известны и общепризнанны. Поэтому матерям, воспитывающих детей в неполных семьях, без отцов, психологи часто советуют найти для ребенка своеобразного «заместителя отца» - человека, который выполнял бы такую роль. Носителем мужской модели может выступать и дедушка, и дядя, и дедушка семьи.

Необходимость мужской модели поведения учитывается и в эффективно работающих учреждениях для детей-сирот. Назовем, к примеру, созданную замечательным человеком Германом Гмайнером после II мировой войны и действующую в настоящее время более чем в 130 странах мира, в том числе и в России, систему «детских деревень - SOS»⁵.

Детская деревня-SOS - это учреждение, которое, как правило, состоит из примерно дюжины отдельных домов, в каждом из которых живет семья: «мать» и 6-8 детей. Эти дети либо не имеют родителей, либо же их родители лишены родительских прав. От детей никто не скрывает их реальной истории жизни, и они знают, что «мать» в детской деревне – не их родная мать. В деревне дети живут до 16-17 лет, пока не начнут самостоятельную жизнь. В отдельном доме живут помощницы «матерей» – «тетя», которые замещают «мать» в ее выходные дни, а также если она заболела, уехала или ушла куда-то по делам. При этом дети учатся в обычной, расположенной по соседству школе, ходят в обычную поликлинику, посещают разные кружки и секции за пределами детской деревни.

Это «женское» воспитание обязательно дополняется, уравновешивается мужским влиянием. Поэтому руководит детской деревней всегда мужчина, который также проживает в отдельном доме вместе со своей семьей. Помимо чисто директорских обязанностей он является как бы отцом для всех живущих в деревне детей и своеобразным мужским эталоном. Важно, что в деревне обязательно есть и другие мужчины: педагог (заместитель директора), мастер, шофер, работники охраны, которые также

⁵ История создания системы детских деревень, принципы и практика ее работы подробно описана в книге Е.С.Брусковой (1993).

общаются с детьми, обучая их водить машину, чинить технику, столярничать, играть в футбол, боксировать и т.п.

2. *Сближение мужской и женской роли в воспитании детей, вплоть до отказа признать, что такая специфика вообще существует.* Сегодня женщины все больше становятся похожи на мужчин: заняты карьерой, все меньше времени проводят дома, все меньше заняты хозяйством, а мужчины, напротив, все охотнее занимаются домашними делами, все чаще оказываются на вторых ролях в материальном обеспечении семьи, все больше занимаются детьми, вплоть до того, даже в отпуск по уходу за новорожденным берут отцы, а не матери. Любопытно, что отмеченные изменения гендерных ролей получают разную общественную оценку. Если в отношении изменений женской негативно-скептическая оценка все же преобладает, то все увеличивающаяся роль отца в воспитании детей оценивается сугубо положительно.

Например, в последние годы популярным становится присутствие отца при родах. Во многих эмпирических исследованиях показано, что такие отцы впоследствии значительно больше общаются и играют даже с совсем маленькими детьми. Стали появляться неполные семьи которая традиционно связывалось с представлением о матери-одиночке, отцом-одиночкой. Изменяется и юридическая практика: при разводах суды все чаще оставляют ребенка с отцом. Наконец, изменение роли отца находит свое отражение и в художественных произведениях. Вспомним хотя бы знаменитый фильм «Крамер против Крамера».

* *
 *
 *

Подводя итоги раздела, можно сказать, что феномены материнства и отцовства, общественное к ним отношения изменялись на протяжении истории человечества и сегодня разнятся в разных странах, культурах, народах, и даже разных социальных группах.

III. Психология привязанности

1. Понятие привязанности

Сегодня в психологии детско-родительские отношения, материнство и отцовство принято рассматривать через категорию привязанности. Термин «привязанность» используется в широком и узком значении.

*В широком значении **привязанность** - это тесная эмоциональная связь между двумя людьми, характеризующаяся взаимным вниманием, чуткостью и отзывчивостью и желанием поддерживать близкие отношения.*

*В узком смысле **привязанность** - это первая связь младенца со взрослым, которая характеризуется сильной взаимозависимостью, интенсивными обоюдными чувствами и жизненно важными эмоциональными отношениями.*

В контексте нашей работы наибольший интерес представляет второе, более узкое значение термина «привязанность».

Термин «привязанность» был введен, проработан и содержательно наполнен в уже упоминавшемся исследовании Дж.Боулби, а также в работах его коллеги М.Эйнсворт.

Авторы считают, что на первом году жизни главную роль в развитии ребенка играют его отношения с матерью, порождающие привязанность к ней и во многом определяющие дальнейший ход его психического развития. С их точки зрения, привязанность является одной из основных систем поведения, которая имеет биологическую природу и обладает видовой специфичностью. Несмотря на существующие исторические, культурные, национальные и индивидуальные различия можно выделить процессы, общие для человека как биологического вида в целом. Привязанность как система поведения сформировалась в процессе естественного отбора, поскольку способствовала выживанию вида.

Согласно Дж.Боулби привязанность младенца проявляется в трех феноменах:

- ✓ мать или другой объект привязанности лучше, чем любой другой человек, может успокоить ребенка
- ✓ ребенок предпочитает играть с объектом привязанности, а когда огорчен или расстроен - именно у него чаще всего ищет утешения
- ✓ в присутствии объекта привязанности дети чувствуют себя уверенней, спокойней, не так боятся.

Выше мы писали о том, что для полноценного развития ребенка важны оба родителя - и мать, и отец, поскольку каждый из них играет особую, незаменимую роль в его развитии. Однако для формирования привязанности принципиально важна именно материнская роль. Почему именно мать лучше всего обеспечивает формирование у ребенка устойчивой привязанности? Этот вопрос давно интересовал исследователей. Были предприняты многочисленные попытки найти замену матери в тех случаях, когда по каким-то причинам ребенок ее теряет, и все они оказались не слишком успешными. Современные исследования с использованием замедленной киносъемки, компьютерного анализа микродвижений позволили воочию увидеть, что самое простое взаимодействие матери и ребенка - кормление, укачивание, пеленание, купание - это самый сложный танец, в котором на подчас даже незаметные при обычном наблюдении движения ребенка мать реагирует своим столь же незаметным, но при этом точным движением. Такая возможность единственно правильным образом постоянно отвечать на сигналы, импульсы, посылаемые ребенком, причем отвечать интуитивно, импульсивно, неосознанно является совершенно необходимым условием формирования привязанности. Важную роль в этом процессе играет согласование, «сонастройка» ритмов жизнедеятельности, поведения матери и ребенка.

Приведем пример такого синхронного взаимодействия, описанного Э.Троник. Это взаимодействие разворачивалось во время в ходе игры матери со своим малышом в прятки:

«Младенец резко отворачивается в тот момент, когда игра достигает пика интенсивности, и начинает сосать палец и смотреть в пространство с мрачной миной на лице. Мать прекращает играть и присаживается к нему, наблюдая. Через несколько секунд младенец вновь поворачивается к ней с приглашающим выражением лица. Мать пододвигается ближе, улыбается и говорит преувеличенно высоким голосом: «С возвращением!» В ответ ребенок улыбается и гулит. После того как они прекращают вороковать, младенец вновь засовывает в рот палец и смотрит в сторону. Мама опять ждет. Вскоре младенец поворачивается к ней, и они приветствуют друг друга широкими улыбками (цит. по: Д.Шэффер, 2003, с. 573).

Известные отечественные исследователи младенческого возраста Н.Н.Авдеева и С.Ю.Мещерякова, обсуждая проблемы взаимодействия в диаде мать-ребенок, пишут:

«Синхронизация поведения взаимодействующих членов пары составляет, по-видимому, важнейший факт психологии младенчества, установленный в последние годы.

Для чего же нужны столь сложные способности и возможности ребенка, если он ведет, казалось бы, весьма «простой образ жизни»? Крупный специалист по детской психологии М.И.Лисина так ответила на этот вопрос: природа, как известно, не бывает расточительна, следовательно, все, чем располагает ребенок, необходимо ему для выживания. Младенец не может существовать без взрослого. Поэтому ребенок должен располагать возможностями установить с ним контакт, вступить во взаимодействие...» (1991, с.25).

Подчеркнем еще раз, что в таком общении важна не только и не столько его длительность, сколько эмоциональная теплота и умение точно откликаться на сигналы, подаваемые младенцем. Шеффер и Эмерсон (1997) установили, что привязанность формируется к тому человеку, который оказывается наиболее отзывчивым к потребностям ребенка, причем это не обязательно тот, кто в основном ухаживает за ребенком и проводит с ним больше времени. Если этот человек проявляет безразличие и равнодушие к ребенку, ухаживает за ним, не обращая внимания на подаваемые им сигналы, то привязанность может не сформироваться. У ребенка скорее может развиться привязанность к такому человеку, которого он видит реже, непродолжительное время, но который обязательно отзывается на его сигналы и общается с ним.

2. Типы привязанности

Сегодня в психологии принято выделять четыре типа привязанности. Три из них были впервые описаны М.Эйнсуорт, а четвертый был добавлен позже.

Эти типы привязанности были выделены в разработанной М.Эйнсуорт тесте «Незнакомая ситуация». Процедура эксперимента состоит из восьми трехминутных серий, во время которых психолог наблюдает и фиксирует поведение малыша в присутствии разных взрослых и в одиночестве. Процедура эксперимента отражена в таблице, в которой мы использовали

материалы, представленные в книгах Г.Крайг (2000, с.314), Н.Ньюкомб (2002, с.199).

Таблица 1.

Тест «Незнакомая ситуация»

Серия	Событие	Участники	Наблюдаемые переменные
1.	Экспериментатор проводит родителя с ребенком в игровую комнату, а затем покидает их	Экспериментатор, родитель, ребенок	-
2.	Родитель сидит, а ребенок играет с игрушками	Родитель, и ребенок	Родитель как безопасное укрытие
3.	Входит незнакомый человек, усаживается рядом с родителем и заговаривает с ним	Ребенок, родитель и незнакомый человек	Реакция на незнакомого взрослого
4.	Родитель уходит; незнакомец реагирует на ребенка и утешает его, если тот расстроен	Ребенок и незнакомец	Тревога отделения
5.	Родитель возвращается, пытается приласкать малыша и утешает его в случае необходимости; незнакомец уходит	Ребенок и родитель	Реакция на воссоединение
6.	Родитель уходит	Ребенок	Тревога отделения

	из комнаты, ребенок остается один		
7.	Входит незнакомец и пытается успокоить ребенка	Ребенок и незнакомец	Способность поддаваться утешению со стороны незнакомого человека
8.	Родитель возвращается; пытается приласкать ребенка и успокоить его, если это нужно, и снова заинтересовать игрушками	Родитель, ребенок	Реакция на воссоединение

Эксперимент позволил выделить две основных категории привязанности - *надежную и ненадежную* - и охарактеризовать ее типы.

I. 1. **Надежная, или прочная, привязанность** - поведение таких детей в эксперименте характеризуется следующим: ребенок положительно реагирует на появление незнакомого человека. Он расстраивается, когда мать уходит, а потом радуется ее возвращению, она может легко его утешить. Среди детей до года, живущих в нормальных условиях, надежную привязанность, как правило, имеют до 65-70%.

II. **Ненадежная привязанность** отражает наличие у ребенка переживания ненадежности окружающего и собственной уязвимости. Эта категория привязанности представлена следующими типами:

2. **Избегающий** тип - когда родитель покидает комнату, дети, как правило, не протестуют и спокойно продолжают игру.

3. **Амбивалентный** тип - дети тяжело переживают уход родителя, а когда он возвращается, ведут себя двойственно: то льнут к нему, то отталкивают.

4. **Дезорганизованный тип** - в поведении таких детей наблюдаются элементы привязанности и по избегающему, и по амбивалентному типу; кроме того иногда в их поведении проявлялись страх и смятение.

Дальнейшие исследования позволили добавить еще один тип ненадежной привязанности.

5. *Контролирующее поведение* - в этом случае наблюдается инверсия ролей, когда ребенок берет на себя исполнение функций взрослого, Такая инверсия может выражаться в форме деспотических требований со стороны ребенка или, напротив, в его преувеличенной озабоченности благополучием близкого взрослого.

Одно из исследований М.Эйнсуорт состояло в длительном наблюдении за отношениями между матерями и детьми в течение шести месяцев (до тех пока ребенку не исполнился 1 год). Эти наблюдения позволили зафиксировать стиль материнской заботы, а проведение с годовалым ребенком теста «Незнакомая ситуация» давало возможность диагностировать тип привязанности. В результате было показано, что у отзывчивых матерей, внимательным к потребностям и запросам ребенка дети характеризовались устойчивой, надежной привязанностью. У тех матерей, которые заботились о детях «по настроению», - то проявляя бурную любовь, то холодно отвергая их, дети имели ненадежную привязанность. Такое поведение часто характеризует стиль воспитания в семьях алкоголиков, когда непредсказуемость для ребенка родительского поведения является главной причиной расстройств личности и поведения ребенка.

Было показано также, что ненадежная привязанность возникает и в тех случаях, когда матери чрезмерно навязчивы в общении с ребенком (постоянно его тормозят, ласкают, играют, не будучи чувствительны к его действительным запросам, и тогда, когда ребенок постоянно отвергается матерью.

Исследований контролирующего поведения сравнительно немного, но имеющиеся данные позволяют полагать, что оно характерно для детей, родители которых прибегают к физическому наказанию.

Многочисленные исследования, включая лонгитюдные, свидетельствуют о высокой прогностической ценности характеристики типа привязанности.

В таблице 2 представлены итоги многочисленных современных исследований привязанностей, не ограничивающихся данными теста «Незнакомая ситуация», Таблица заимствована нами из книги Ч.Вернара и П.Кериг (2004).

Таблица 2

Сводка данных о формировании привязанности

	I. Надежная привязанность	II. Избегающая привязанность	III. Сопротивляющаяся привязанность	IV. Дезорганизованная/ дезориентированная привязанность*	V. Контролирующее поведение*
А. «Незнакомая ситуация»				Непоследовательное и странное поведение; например, демонстрирует изумление, боязливость, ведет, себя в странной или противоречивой манере	Имеет место инверсия ролей, когда ребенок берет на себя роль заботящегося о нем человека; это происходит либо в негативной форме предъявления деспотических требований, либо в позитивной форме проявления преувеличенной озабоченности
1. Разлучение (отделение)	Может испытывать, а может и не испытывать беспокойство; ограничивает исследовательскую активность	Редко проявляет признаки дистресса	Сильно огорчается		
2. Воссоединение	Радостно приветствует заботящегося или легко поддается его утешению, если был обеспокоен	Игнорирует или избегает заботящегося человека	Сопротивляется близости или демонстрирует амбивалентное поведение, требуя близости, но в то же время отталкивая от себя заботящегося человека		
3. Исследование	Свободно исследует окружающую среду	Поглощен исследовательской активностью до исключения контактов с другими людьми	Ограниченная исследовательская активность		
4. Основные характеристики	Чувствует себя в безопасности, проявляет доверие, свободно выражает	Проявляет преждевременную независимость	Сосредоточен на заботящемся человеке		
Б. Характер заботы	Сенситивная: быстрая, адекватная, теплая реакция на потребности младенца	Сдержанность (холодность) в сочетании с гневом или раздражением, возникающими вовремя близости	Непредсказуемость: реагирование исходя из собственных потребностей или актуальных на данный момент чувств	Сбивающие с толку сигналы или неадекватные реакции на младенца	

*Поведенческие проявления привязанности не связаны ни с какой конкретной фазой теста «Незнакомая ситуация».

Надежную привязанность можно рассматривать как конкретизацию, выявляемую в том числе и экспериментально, того глубинного фактора личностного развития, появляющегося у ребенка к концу первого года жизни, которое Э.Эриксон назвал базисным доверием к миру.

Соответственно разные типы ненадежной привязанности как проявления базисного недоверия.

Но прежде чем обратиться к рассмотрению этой проблемы, обратимся к проблеме природных, генетических оснований детско-родительских отношений.

3. Материнский инстинкт

Наличие материнского инстинкта у животных — факт бесспорный. Его изучению посвящено огромное число научных работ. Особый интерес представляют исследования по проблеме «пускового механизма» этого инстинкта.

Было установлено, что для «запуска» генетической программы материнства большое значение имеет критическое время между моментом рождения детеныша и первым его предьявлением матери. Например, овцы принимают своих ягнят только в том случае, если получают их в течение 12 часов после родов. Но если ягнят отнимают даже на первые 2—3 часа, материнское поведение уже частично нарушается. Нарушения нарастают с увеличением продолжительности периода сепарации, вплоть до указанных 12 часов, после чего следует отказ от детенышей. Подобное поведение ученые наблюдали не только у овец, но и у многих других животных.

Некоторые авторы интерпретируют как нарушение генетической программы и результаты наблюдений за материнским поведением у людей. Опишем следующий эксперимент, проведенный с двумя группами матерей. В первую входили ранее не рожавшие женщины, во вторую — имевшие уже 1—3 детей. Каждая из этих групп в свою очередь была разделена на две подгруппы — А и Б. В подгруппах А у матерей забирали только что родившихся младенцев на первые 24 часа (как это было принято во многих родильных домах). В подгруппах Б ребенок с момента рождения оставался с матерью.

В основе исследования лежала гипотеза о том, что, во-первых, существует генетическая программа, в которой «заложено» предписание держать младенца на левой руке, приближая его тем самым к сердцу матери — источнику звука, знакомого ребенку по внутриутробной жизни; а во-вторых, что «запуск» программы осуществляется в определенный период после родов — в первые 24 часа.

Результаты выявили следующее. Все без исключения матери, которые уже имели детей, вне зависимости от того, отнимали новорожденного на 24 часа или нет, всегда брали его на левую руку. У женщин, родивших первого ребенка, картина была иная. Привычка держать младенца только на левой руке спонтанно возникла лишь в подгруппе Б — у тех, кто не был разлучен с ребенком. В подгруппе А такой привычки не возникло. Отсюда исследователями был сделан вывод, что в «запуске» материнского инстинкта существует определенный критический период, в котором первые 24 часа имеют наиболее важное значение.

Заметим, что психологи во всем мире не устают призывать к тому, чтобы в практике родильных домов учитывались эти и близкие к ним данные, чтобы традиционно почитаемые правила санитарии и гигиены не заслоняли тонких механизмов возникновения связей между матерью и ребенком. Эту практику осуждал еще Р.Шпиц:

«Быстро возрастающая дистанция между ребенком и матерью достигла в нынешнем веке кульминации, когда ребенка на первую неделю жизни изолируют в специальной больничной палате, - это сравнительно новое изобретение западной культуры не насчитывает еще и ста лет. Его ввели, опять же ссылаясь на необходимость уберечь новорожденного от инфекции. Однако пора задать себе вопрос, не навлекаем ли мы на новорожденного гораздо большую опасность, нежели гипотетическая угроза инфекции, когда лишаем его жизненно важных стимулов, предусмотренных природой для всех млекопитающих» (2000, с.220).

Лишь по прошествии полувека в родильных домах стали отказываться от этой практики.

Может быть, есть, пусть самая малая, вероятность того, что какая-то часть матерей, бросающих своих детей, не сделали бы такого шага, если бы ребенка оставляли с ними в столь психологически (или биологически, что в конце концов не так уж и принципиально) важные первые 24 часа.

Своеобразным подтверждением силы материнского инстинкта служат многочисленные наблюдения за поведением так называемых «суррогатных матерей». Практика суррогатного материнства зародилась в 80-е годы XX века, когда стало возможным искусственно оплодотворенную яйцеклетку одной женщины имплантировать в матку другой. *Суррогатная мать* за деньги, как правило, достаточно большие, вынашивает генетически чужого ребенка. Она идет на это сознательно, по собственному выбору, подписывает контракт, в котором четко оговорено, что после рождения ребенка она передает его генетической матери и не может видеться с ним. В противном случае она не только не получает обещанных денег, но и платит значительную неустойку. Во время беременности многие суррогатные матери не испытывают особой любви к ребенку, которого они вынашивают (это проявляется в нарушении режима, курении и т.п.). Однако даже такие суррогатные матери очень часто не могут преодолеть сильнейшего чувства

материнской любви, которое возникает сразу после рождения в эти критические 24 часа.

В «запуске» врожденного материнского инстинкта помимо критического времени определенную роль играет внешний облик объекта материнской любви. Можно выделить такие черты внешности — они оказываются общими у человеческого детеныша и у детенышей многих животных (медвежат, котят, щенят и т. п.), — которые автоматически вызывают у взрослого прилив нежности, желание приласкать малыша. Совокупность этих черт описывают так: голова должна характеризоваться вместительной черепной коробкой и значительным относительным уменьшением лицевой части черепа, непосредственно под глазами — жирные щеки; конечности — короткие и широкие; тело напоминает в меру эластичный, наполовину надутый футбольный мяч; движения неуклюжи; наконец, все существо должно быть небольшим и напоминать нечто в миниатюре. Достаточно одной такой «детской» черты, чтобы вызвать соответствующую реакцию взрослого.

Похоже, это хорошо знают художники, создающие мультфильмы или разрабатывающие детские игрушки, наделяющие свои произведения круглыми щечками, пухлыми лапками и т. п., безошибочно вызывая ту зрительскую или покупательскую реакцию, на которую они рассчитывали.

Что же касается ученых, то для них наличие у младенца жировых подушечек на щеках — предмет серьезных научных дискуссий. Сторонники одной из теорий полагают, что подушечки помогают ребенку при сосании. Другие исследователи, апеллируя к длинной, вытянутой морде шимпанзе, не препятствующей сосанию, выдвигают гипотезу, что единственным смыслом круглых младенческих щечек является воздействие на врожденные пусковые механизмы материнского инстинкта у взрослого человека.

Не может быть обойден вниманием интерес ученых и к другой черте детского облика. Процитируем австрийского этолога и писателя К.Лоренца:

«Очень важным компонентом являются и тактильные раздражители — округленность задней части ребенка, которую вы постоянно ощущаете, когда держите его на руках, поэтому обезьяны, которые от природы лишены этого качества, вызывают явное отвращение. Когда вы видите шимпанзе и молодого гориллу, восседающих рядом (следует сказать, что горилла — животное, обитающее на самой почве, и поэтому у него развитая gluteus

*maximus*⁶), то тут же приходите к заключению, что горилла несравненно милее, чем шимпанзе, который лишен такого «преимущества» (Развитие ребенка, 1968, с. 185).

Проявление материнского инстинкта включает самые разные элементы, которые в обычной жизни даже не замечаются. Примером этого может служить то, как мать или другие близкие взрослые разговаривают с новорожденными и младенцами. Американским психологом Е.Ньюпорт было проведено интересное исследование. Автор записывал, как взрослые, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, общаются с младенцем. Обнаружилось, что независимо от культуры и языка почти все родители для общения с маленькими детьми используют высокий, «поющий» голос. Автор интерпретирует данный факт, как доказательство генетической обусловленности этой формы проявления материнского поведения, необходимого для нормального взаимодействия ребенка в этот период.

Мы привели, если угодно, самые крайние биологизаторские представления о возникновении ранней связи «мать-ребенок». Нам бы здесь не хотелось ни опровергать изложенную позицию, ни вставать на ее защиту, потому что это сложный, тонкий и на сегодняшний день по существу не имеющий однозначного решения вопрос соотношения биологического и социального. Но непреодолимую силу связи, которая может возникнуть в самые первые часы после рождения ребенка, важность первого взгляда на него, первого прикосновения к нему интуитивно знают даже те матери, которые решают бросить ребенка. Именно поэтому они стараются при возможности буквально в первые часы после родов убежать из родильного дома или как-то еще отделаться от ребенка, отказываются его кормить и даже смотреть на него.

Обсуждая проблему биологических предпосылок возникновения связи между матерью и ребенком, следует заметить, что она возникает благодаря не только материнским инстинктам, но и инстинктам детеныша, в возникновении которых также прослеживаются определенные закономерности.

4. Импринтинг

Специалисты, исследующие психологию и поведение животных,— зоопсихологи и этологи — провели массу остроумных опытов, для того чтобы понять отношения матери и детеныша.

⁶ Мускулы внешней боковой поверхности гребешка тазовой кости.

Многие из этих экспериментов стали просто классическими и как легенды кочуют из книги в книгу, пересказываются на лекциях, входят в научный и даже бытовой фольклор. Мы не могли отказать себе в удовольствии присоединиться к общей традиции.

Всякий человек имел немало возможностей убедиться в самом факте привязанности маленьких животных, птенцов к своим родителям. Видел, например, утят, плывущих за мамой-уткой, щенят, играющих около мамы-собаки. Но ученых интересовало, что лежит в основе этой привязанности.

Самый простой ответ — зов крови, родная кровь и т. п. Эта гипотеза, однако, опровергается и многочисленными наблюдениями, когда собака вырашивает котят, курица — утят, и экспериментами на так называемый импринтинг. В переводе с английского этот термин «импринтинг» значит «отпечаток», «штамп», «запечатление».

Первооткрывателем механизма импринтинга стал К.Лоренц.

Открытие Лоренца по существу перевернуло представления о кровных связях, которые якобы лежат в привязанности животных, птиц к своим родителям.

Для понимания сути импринтинга опишем несколько экспериментов. В одном из них только что вылупившихся утят подсаживали к чучелу утки, изготовленному из папье-маше. Как только искусственная утка начинала скользить по специально проложенным рельсам и при этом издавать звуки, ничего общего не имевшие со звуками, которыми обычно живая утка зовет своих утят, утята — участники эксперимента — устремлялись за ней, как обычные утята следуют за своей обычной мамой-уткой. Затем был проведен критический опыт. Утят помещали одновременно между двумя матерями — настоящей и искусственной. Первая заходила в воду и подавала характерные призывные звуковые сигналы. Искусственная мать начинала в это же время двигаться по рельсам. Кого же в этой ситуации предпочли утята? Оказывается — искусственную мать, которая их не кормила, которая издавала «неправильные» звуки и которая только тем выгодно отличалась от настоящей мамы-утки, что первая попала на глаза утятам и что именно ее образ запечатлелся в нервной системе утят в виде *реакции следования*.

В других экспериментах не понадобилась и модель утки. Ее с легкостью могли заменить любые движущиеся предметы — воздушные шарики, мячики, кубики. Приведем пример К. Лоренца:

«Одно из проявлений действия врожденного пускового механизма у только что вылупившегося из яйца гусенка из породы

дикого гуся — действия по следованию за матерью — соответствует исключительно широкому диапазону пусковых раздражителей. Любой объект (величина которого находится где-то в промежутке между размерами курицы бентамки и большой весельной лодкой), который движется и производит шумы, характеризующиеся весьма разнообразной высотой тона, может вызвать подобный ответ гусенка. Если человек передвигается и разговаривает в присутствии такого маленького гусенка, последний посмотрит на него очень внимательно, выразит ему свое расположение и после нескольких повторений будет без всякого дальнейшего обусловливания следовать за ним, как он обычно следует за матерью. Очевидно, что такая комбинация простого врожденного пускового механизма и соответствующего обусловливания является эффективной в естественных условиях. Те случаи, когда мать-гусыня оказывается не первым движущимся и издающим звуки объектом, воспринимаемым гусенком, являются, конечно, настолько редкими, что их нет смысла принимать в расчет» ((Развитие ребенка, 1968, с.108-109).

Связь, возникающая посредством импринтинга, чрезвычайно устойчива во времени — она сохраняется на протяжении всей жизни птиц и животных. В одном из экспериментов группе утят предьявлялся движущийся красный кубик, а другой группе — желтый. Затем обе эти группы объединили и воспитывали в общей стайке без всяких мам. Когда по истечении значительного периода времени уже взрослым уткам, выросшим из этих утят, вновь предьявили красный и желтый кубики, то стайка мгновенно разделилась на две части, одна из которых пошла за красным, а другая — за желтым.

Сам Лоренц неоднократно с блеском исполнял роль матери гусят, утят, цыплят и других птиц. Весь мир обошли смешные фотографии и кинокадры, запечатлевшие его плывущим по озеру во главе стайки утят, идущим с ними по лугу и т. д.

Возникающая связь с матерью настолько сильна, что ее практически не удастся разрушить. Были проведены такие опыты. Утятам вместо мамы посредством импринтинга был подставлен макет утки. Затем каждый раз, когда утята приближались к макету, их били током; в другом варианте этот макет испускал струю воздуха болезненную и неприятную для утят. Выяснилось, что, сколько бы ни повторялись подобные опыты, птенцы не только не переставали следовать за макетом (что можно было бы ожидать по всем законам выработки условного рефлекса), но привязывались к своей подставной матери еще больше.

Этот факт объясняют по-разному. Например, американский ученый Д. Кинг считает, что какие-то свойства матери вызывают у детеныша чувство удовольствия, которое способно смягчить или даже устранить отрицательные эмоции. Именно поэтому, испытывая страх, боль, он ищет защиты у матери. Другую интерпретацию подобным фактам дает Дж.Боулби. Он исходит из того, что у большинства детенышей млекопитающих и птиц существует врожденная потребность к прямому контакту со взрослой особью (обычно матерью). Основу этой потребности составляет страх незнакомого и непривычного, заставляющий детенышей стремиться к знакомому объекту, каковым обычно выступает мать. Эта инстинктивная реакция в высшей степени целесообразна для выживания. Сила этой реакции настолько велика, что она проявляется даже тогда, когда угроза исходит от самих родителей (как в случае с «плохой» мамой-уткой, которая пугала утят резкой струей воздуха). Существует точка зрения, что именно так понимаемый механизм стремления искать защиты у знакомого, пусть и пугающего объекта лежит в основе так называемого «стокгольмского синдрома», когда заложники испытывают своеобразную привязанность к захватившим их террористам.

Таким образом, мы видим, что существуют какие-то, возможно, даже врожденные механизмы, которые на сегодняшний день трактуются по-разному, но которые принципиально не дают возможности выработать условный рефлекс на основе связи неприятных переживаний и образа матери.

Существует известная проблема распространения выводов, полученных в ходе опытов с животными и наблюдениями за ними, на человека, на человеческие отношения ребенка и матери. Но приведенные выше эксперименты невольно приходят на ум, когда видишь несчастных детей, страдающих от жестоких матерей, каковыми нередко и бывают женщины, лишённые родительских прав. Детей в семье часто бьют, оставляют без еды, на холоде, но все равно они стремятся к таким матерям, в такой дом. Возможно, это происходит именно потому, что дети связывают свои невзгоды с чем угодно, но не с матерью и защиту от жизненных невзгод они также не умеют найти ни в ком другом, кроме как в матери, вопреки всему жизненному опыту.

Обобщение многочисленных экспериментов на импринтинг привели ученых к следующим выводам:

- ✓ импринтинг возникает в очень короткий и совершенно определенный для каждого вида период раннего онтогенеза
- ✓ импринтинг не обладает свойством обратимости, т. е. впервые

запечатленная «мать» в дальнейшем не может быть заменена на другую

- ✓ импринтинг возникает вне зависимости от того, будет стимульная ситуация связана с какой-либо функцией организма или нет (скажем, будет ли искусственная мама кормить птенца).

Период возникновения импринтинга для разных животных и птиц различен. Скажем, у собак он считается равным примерно семи неделям. Поэтому опытные собаководы советуют приобретать щенков именно до этого срока. Только так может сформироваться тесная связь между собакой и ее хозяином.

Значимость явления импринтинга для животного мира, универсальность проявляющегося в нем биологического механизма заставляют исследователей обратиться к анализу вопроса о существовании аналогичного или заменяющего его механизма у человека.

5. Существует ли импринтинг у человека?

Можно сказать, что в известном смысле этот вопрос интересовал человечество еще задолго до того, как в середине XX века в научный оборот было введено понятие импринтинга. Вопрос этот, например, интересовал М. Монтеня. В размышлениях «О родительской любви», где привязанность женщин к ребенку он рассматривает как природное влечение, в котором они похожи на животных, Монтень пишет:

«... легко убедиться на опыте, что та естественная привязанность, которой мы придаем такое огромное значение, имеет очень слабые корни. Мы постоянно заставляем женщин за ничтожную плату бросать кормление своих детей, чтобы выкормить наших; мы заставляем их передавать своих детей какой-нибудь хилой кормилице, которой мы не хотим отдавать наших детей, или даже просто козе; мы запрещаем этим женщинам не только кормить грудью их собственных детей, как бы вредносно это для них ни было, но и вообще сколько-нибудь заботиться о них, чтобы это не мешало кормилицам полностью отдаваться нашим детям. И в результате у многих из этих женщин в силу привычки появляется более сильная привязанность к выкормленным ими чужим детям, чем к своим собственным, и большая забота об их благополучии. Что же касается упомянутых мною коз, то это довольно распространенное явление в моих краях, где деревенские женщины, когда они сами лишены возможности кормить своих детей, пользуются для этой цели козами; у меня в настоящее время работают двое слуг, которые в младенческом

возрасте всего лишь неделю пробыли на женском молоке. Козы очень быстро приучаются давать вымя малышам, узнают их по голосу, когда они плачут, и спешат сами к ним. Если вместо их питомца им подкладывают другого, они отворачиваются от него, и так же поступает ребенок, когда к нему подводят другую козу. Я видел недавно ребенка, у которого отняли его козу, потому что его отец не мог больше получать ее от соседа; ребенок не мог привыкнуть к другой, приставленной к нему козе и умер, несомненно, от голода. Животные с не меньшим успехом, чем люди, способны отклонить естественную привязанность от ее обычного пути» (Монтень М.Опыты. Кн. II. М., С. 85).

В процитированном фрагменте М.Монтень обращает внимание и критически оценивает рутинную для того времени практику, принятую в богатых семьях - отдавать грудных младенцев кормилице. Известно, что и сам М.Монтень в младенчестве был отдан в бедную крестьянскую семью. Но в контексте обсуждаемой темы важен не его благородный обличительный пафос, а то, что он по существу описывает явление импринтинга. Монтень проводит прямую параллель между человеком и животным, в данном случае — женщиной и козой, выкармливающих человеческое дитя, не видя между ними никаких различий в формировании детско-материнских привязанностей.

Современные исследователи не так смелы в проведении прямых параллелей между человеком и животным, хотя бы потому, что в основе импринтинга у животных, как уже отмечалось, лежит реакция следования, а новорожденное человеческое дитя ни за кем самостоятельно следовать не может. Поэтому, для того чтобы все-таки провести параллель, некоторые ученые переформулируют проблему следующим образом: не реакция следования как таковая имеет значение, а поиск близости. Но если гора (в данном случае человеческий младенец) не может пойти к Магомету, у нее должны быть особые формы поведения, которые дают ей средства привлечь Магомета (в данном случае взрослого) к себе.

Выделяются пять таких средств-способностей: цепляние, сосание, плач, улыбку, зрительный контакт. По мнению Дж.Боулби, перечисленные способности являются высоко организованными поведенческими системами, которые были сформированы в филогенезе в процессе эволюционного отбора и закрепились на генетическом уровне. Их биологическая функция – вызывать заботу взрослых и служить таким образом основой для формирования отношений привязанности.

Наиболее подробно изучаются плач и улыбка младенца. Их природа, происхождение, функция до сих пор являются предметом острых научных дискуссий. В контекста обсуждаемой нами проблемы интересны следующие факты.

Улыбка. Эмди и Хартман (1972) описали две системы улыбок - эндогенную (врожденную) и экзогенную (социальную). Первая существует с рождения. Такая улыбка наблюдается даже и у детей, слепых от рождения, и у детей с врожденными дефектами мозга. Было обнаружено, что эндогенная улыбка постепенно сходит на нет между вторым и третьим месяцем жизни ребенка.

Экзогенная, социальная, улыбка появляется позже - в конце первого месяца жизни, причем исследователи приходят к выводу, что время появления этой улыбки генетически предопределено. Первоначально социальная улыбка возникает в ответ на восприятие человеческого лица или любых зрительных стимулов, его напоминающих. Однако достаточно быстро таким стимулом становится лицо только близкого взрослого. Пик развития этой улыбки в норме приходится на время между тремя и четырьмя месяцами.

Данные исследований свидетельствуют о том, что у младенцев, лишенных нормального общения со взрослым вследствие материнской депривации социальная улыбка не развивается, так же как она в течение долгого времени не развивается и у детей с нарушенной психикой (Н.Н.Авдеева, С.Ю.Мещерякова, 1991).

Плач. Как уже отмечалось, плач, как и улыбка, является врожденным паттерном поведения, важным способом выражения физического и духовного состояния младенца. Закрепления этого паттерна в ходе эволюции связано прежде всего с двигательной беспомощностью человеческого детеныша. Плач дает возможность младенцу обратить на себя внимание даже тогда, когда матери нет рядом. «Плач младенца, - пишут Й.Раншбург и П.Поппер, - это не то же самое, что рыдания взрослого человека или подростка, отражающие скорбь или огорчения. По сути дела, этот плач не что иное, как произвольный звуковой сигнал, который может нести различное содержание и который лишен элементов сознательного действия» (1983, с.24-25).

Для формирования привязанности чрезвычайно важно умение матери распознавать и тонко реагировать на разные плачи младенца. Как правило, матери быстро научаются понимать, с чем связан плач младенца - с болью, голодом, охлаждением, одиночеством и т.п. Именно дифференцированная

реакция на плач создают истинный контакт между младенцем и взрослым, дает ему ощущение, что его понимают, что его запросы к миру не безответны. Когда взрослый не реагирует на плач ребенка из педагогических соображений (чтобы не приучался таким образом манипулировать родителями) или когда реагирует неточно (например, начинает кормить, а ребенок хотел бы, чтобы его просто подержали на руках) происходит разлад в отношениях ребенок-взрослый и ослабляет чувство привязанности. В домах ребенка жесткий режим и отсутствие достаточного количества тонко реагирующих взрослых приводят к тому, что дети перестают плакать. Это, конечно, делает их удобными (в смысле тихими) детьми, но наносит огромный ущерб становлению привязанности, развитию эмоционально-потребностной сферы личности.

Зрительный контакт. Сравнительно менее исследованным является специфический зрительный контакт младенца и матери, также являющийся врожденным, неосознаваемым способом, который использует младенец для того, чтобы привлечь внимание взрослого. Начиная примерно с 4 месяцев, у ребенка в процессе зрительного контакта со взрослым начинают расширяться зрачки. Отметим, что в человеческом общении неосознанная и произвольная реакция расширения зрачков сопутствует проявлению симпатии к другому человеку. Вот почему расширение зрачка произвольно вызывает прилив нежности у матери. Были проведены специальные исследования, которые показали, что совершенно неосознанно и произвольно родители садятся или становятся так, чтобы максимально облегчить установление с ребенком зрительного контакта. Поймав взгляд младенца, взрослый обычно улыбается, поднимает брови, широко раскрывает глаза (такое выражение лица принято называть «реакцией приветствия») и заговаривает с ребенком особым поющим голосом. В одном из исследований, которое ставило своей целью выяснить, какие сигналы ребенка в наибольшей степени влияют на отношение к нему родителей, обнаружилось, что важнейшим сигналом является зрительный контакт ребенка со взрослым. Дети, сравнительно более часто вступавшие в зрительный контакт с родителями, оценивались ими как более умные и более общительные.

Перечисленные выше используемые младенцем способы - плач, улыбка, зрительный контакт и др. - рассматриваются некоторыми исследователями как показатели импринтинга у человека. Однако, по мнению сторонников этой точки зрения,

закономерности протекания импринтинга у человека отличаются от соответствующих закономерностей у животных.

Во-первых, у человека значительно длиннее *сензитивный период* для возникновения импринтинга. Данные известных исследователей проблемы материнской депривации Р. Шпица и Дж. Боулби свидетельствуют, что окончательное запечатление материнского образа происходит где-то между семью и восемнадцатью месяцами. Именно поэтому указанный период является наиболее опасным и травмирующим ребенка период разлучения с матерью. Если дети до шести месяцев практически не реагируют на отлучение от матери (при помещении в больницу, при потере матери), то после шести месяцев реакции ребенка могут быть очень бурными — плач, отказ от пищи, депрессия. Хотя это мнение разделяется большинством исследователей, тем не менее некоторые авторы отмечают возможность выраженных депривационных реакций и у детей в возрасте от двух до шести месяцев. Есть исследователи, которые вообще относят возникновение импринтинга у человека к внутриутробному периоду, полагая, что это осуществляется путем воздействия звуков сердца матери на плод.

Во-вторых, сам процесс фиксации, *запечатления образа матери* у человеческого младенца оказывается значительно более растянут во времени, чем у животных, где он является практически моментальным (вспомним опыты К.Лоренца). Вначале младенец реагирует на любого приближающегося к нему взрослого и лишь позже начинает избирательно реагировать на мать, предпочитая ее всем остальным.

В-третьих, импринтинг у человека более *пластичен* — образ матери в принципе может быть изменен, и в этом смысле его запечатление не является необратимым.

Наконец, с нашей точки зрения, чрезвычайно важно подчеркнуть следующее. Хотя механизмы воздействия ребенка на мать и матери на ребенка во многом являются врожденными и инстинктивными, закрепившимися в филогенезе, однако результат их функционирования не предопределен. Все зависит от того, какой характер взаимодействия будет установлен между матерью и ребенком, насколько реакция матери в ответ на разные формы проявления активности младенца (а он, как видим, весьма изобретателен и инициативен в этом) будет своевременной, точной, адресной.

Однако далеко не все считают возможным говорить о импринтинге как врожденном механизме запечатления, являющимся основой для формирования детско-материнских привязанностей у

человека, даже с учетом специфических различий импринтинга у животных и импринтинга у человека. В основе подобных позиций лежит принципиально иная точка зрения на антропосоциогенез человека, согласно которой формы общения людей развиваются не по законам биологической наследственности, а совсем по иным, небιологическим законам. Известный отечественный философ Ф.Т.Михайлов пишет:

«... в основании саморазвития индивида лежит противоречие между естественными нуждами и органами их удовлетворения и формирования. Противоречие — потому что «органы» удовлетворения его нужд, «органы» формирования его человеческих потребностей не образуются в нем самом по наследственной программе. Иными словами, если младенец в определенный период онтогенеза не сумеет сделать с помощью социокультурных средств самостоятельно, собственными усилиями, совершенствуя их для себя, из своих «близких взрослых» свои же «органы» удовлетворения естественных нужд, если, с другой стороны, его «близкие взрослые» по собственной воле не пойдут ему в этом навстречу и не предложат ему средств и способов целесообразного со-действия, то и в будущем ребенок не найдет ни в себе, ни в ком другом ни одного способа выживания и развития» (Ф.Т.Михайлов. 1986, с.71-72).

В этих словах ясно и с предельной остротой выражены разделяемые многими отечественными психологами представления о роли прижизненно формируемых (а не биологически наследуемых) связей между ребенком и взрослым, только внутри которых и способны возникнуть «функциональные органы» (А.А.Ухтомский) собственной человеческой жизнедеятельности. При таком подходе научный анализ раннего развития ребенка в принципе не включал категорию «импринтинга». Такое научное мировоззрение предлагает другой взгляд и на возможное решение проблемы материнской депривации - воспитания человека в условиях, когда с детства он оказывается лишенным матери или других «близких взрослых», которые в обычной семье как бы даны ребенку самой природой.

6. Базисное доверие к миру

Одна из самых знаменитых матерей XX века — это мама Харлоу.

Х. Харлоу, американский ученый из университета Висконсин, начиная с 50-х годов, проводил эксперименты на макаках-резус.

Мама Харлоу — это многие варианты заменителей настоящих обезьян-матерей, придуманные им для изучения природы любви. Мы хотим остановиться на экспериментах Харлоу, потому что без учета полученных им данных невозможно обсуждение проблемы формирования привязанности и материнской депривации.

Опишем один из первых опытов Харлоу. Новорожденную обезьянку отделяли от матери и помещали в клетку, в которой уже находились два заменителя матери-обезьянки: у одной такой матери-заменителя тело было из проволочной сетки, зато через соску она могла кормить детеныша; вторая не могла кормить, но тело ее из мохнатой материи было мягким, теплым и приятным на ощупь — в психологию она так и вошла под названием «мягкая мама».

Какая же мать лучше — кормящая, но холодная или не кормящая, но теплая? Наблюдения показали, что маленькая макака ежедневно проводила до 17—18 часов на «мягкой маме», подходя к проволочной только для того, чтобы поесть, и, утолив голод, немедленно возвращалась к «мягкой маме», цеплялась за нее и висела на ней точно так же, как это делают все обезьянки со своими обычными живыми матерями. Харлоу объясняет это тем, что «мягкая мама» обеспечивает ребенку эмоциональный комфорт, имеющий чрезвычайно большое значение в формировании чувства любви и привязанности.

Эксперименты Харлоу отчетливо выявили, что в формировании этого чувства неизмеримо большее значение имеет телесный контакт (теплота, пушистость, возможность прижаться), чем удовлетворение такой базальной натуральной потребности, как голод. Именно к «мягкой», а не к выкормившей их матери сохраняют на всю жизнь привязанность макаки. Харлоу приводит такие наблюдения: когда через несколько лет, в течение которых обезьянки не видели своих матерей-заменителей и даже не подавали никаких признаков того, что помнят или испытывают потребность в них, в клетку к уже взрослому животному подкладывали «мягкую маму». Это производило на животное громадное впечатление: обезьянка зажимала бывшую «маму» у себя под мышкой, всюду носила ее с собой и яростно отбивалась от всех попыток отобрать «маму». Когда все-таки это удалось сделать, обезьянка объявила голодовку и не принимала пищу до тех пор, пока «мягкая мама» не была ей возвращена. Ученый пришел к выводу о чрезвычайной устойчивости ранних связей.

Любовь к «маме Харлоу» позволяет понять и ту привязанность, которую почти все дети испытывают к мягким, пушистым, большим игрушкам. Многие, особенно в дошкольном

возрасте, не могут заснуть без такой любимой игрушки. Специалисты полагают, что для нормального развития ребенка мягкая игрушка совершенно необходима. Она втроене необходима для тех детей, которые воспитываются без матери в домах ребенка и детских домах.

Присутствие матери не только дает возможность защититься от неприятных эмоциональных переживаний, но и формирует способность в принципе более спокойно, с меньшей эмоциональной нагрузкой переносить различные жизненные трудности, быть более активным и меньше пугаться в сложных или угрожающих ситуациях.

Этолог Д.Лидделл изучал поведение ягнят из двойни, один из которых находился в экспериментальном помещении с матерью, а другой — без нее. Оба ягненка регулярно подвергались слабому удару электрическим током в голень. Оказалось, что движения ягненка без матери очень ограничены. Чаще всего он забивался в угол и, замерев, стоял там неподвижно. Движения ягненка в присутствии матери были значительно более уверенными и раскованными.

Аналогичные эксперименты проводились на трехнедельных козлятах-близнецах. Интересно не только то, что они во время опытов вели себя точно так же, как ягнята, но и то, что через два года различия между козлятами, получившими ударом электрическим током в присутствии матери и без нее сохранились. Когда через два года их вновь, на этот раз уже без матери, поместили в ту же экспериментальную комнату, то козленок, перенесший «детскую травму» в присутствии матери, вел себя совершенно спокойно, а козленок, подвергавшийся ударам тока без матери, испытывал очевидный страх, опять пытался забиться в угол.

Читая о таких экспериментах, нельзя не вспомнить исследования, проводившиеся во время II мировой войны в Англии. Сравнивались две группы маленьких детей, переживших массивную бомбардировку. Первую группу составляли дети, которые во время бомбежки были в Лондоне с родителями и подвергались непосредственной опасности. Вторая группа детей находилась вдали от Лондона, дети только слышали разрывы бомб, которые не представляли реальной угрозы. Эти дети были эвакуированы из Лондона без родителей и находились под опекой воспитателей. Когда через некоторое время были изучены эмоциональные реакции детей, их страхи, тревоги, внутренние конфликты, выяснилось, что дети второй группы оказались значительно более травмированы, чем первые (см. А.Фрейд, Д.Т.Берлингем, 1943).

В книге Й.Лангмейера и З.Матейчека приведен целый ряд фактов, показывающих, что влияние переживания экстремальных жизненных ситуаций на эмоциональное состояние и дальнейшее развитие детей прямо зависят от того, были ли эти ситуации пережиты ребенком вместе с матерью или без нее. Так авторы приводят данные французского ученого Сюттера (1952), что дети, эвакуировавшиеся с матерью, оказались более эмоционально устойчивы, чем дети, эвакуированные группами, без родителей. Более поздние данные свидетельствуют о том же. Х.Мэй исследовал 3000 детей ползункового возраста, которые были вывезены во время военного конфликта в одной из африканских стран и оставались в безопасном месте без родителей в течение двух лет.

«Эти маленькие беженцы без родителей весьма заметно отличались от местных детей, характеризующихся спокойным и свободным поведением. Эвакуированные дети в течение многих месяцев отличались нарушениями поведения, они были тревожными, сосали пальцы (а это у африканских детей из семей встречается вообще очень редко), не держали мочу и стул, страдали невротическими рвотами, ночными страхами и т.д.» (Й.Лангмейер, З.Матейчек, 1984, с.185).

Словацкая исследовательница М. Дамборска сравнивала детей из учреждений в возрасте 6—10 месяцев и их сверстников из семьи. Она давала детям новые, незнакомые игрушки, помещала малышей в новую, непривычную для них ситуацию. Оказалось, что дети из учреждений в 7 раз чаще испытывали страх, чем семейные. Особенно страшила их новая игрушка.

Аналогичные данные были получены и в исследованиях отечественных авторов Н.Н.Авдеевой и С.Ю.Мещеряковой (1991), которые сравнивали поведение детей первого года жизни из дома ребенка и их сверстников из семьи в незнакомой ситуации, где детям предъявлялись незнакомые игрушки. Ребенок из семьи, как правило, вначале боится незнакомой игрушки, и испугавшись, обращается за помощью к матери - обнимает ее, прижимается к ней, а затем постепенно начинает разглядывать ее, играть с ней. Малыши из дома ребенка демонстрировали совершенно другое поведение. Они использовали знакомого им взрослого - обычно это была медсестра для того, что бы спрятаться от пугающей игрушки. Эти дети начинали ощупывать халат медсестры, пуговицы, как бы отвлекаясь от пугающей ситуации с новой игрушкой, к знакомству с которой они так и не приступали.

Поведение этих детей похоже на поведение обезьянок Харлоу, выросших с «мягкой» (теплой) и «холодной» мамами.

Таким образом, «мама Харлоу» подсказывает: для того чтобы играть, маленькому ребенку необходимо одно глобальное условие — рядом должна быть мать, возможность контактов с которой позволяет ему при столкновении с новым, неизвестным, опасным испытывать не ужас, тревогу и страх, а уверенность, интерес и любопытство, не тормозить, а развивать активность.

Значение ранних эмоциональных связей матери и ребенка для всего его дальнейшего развития особенно хорошо видно на примере соотношения любви, страха и познавательной активности. Согласно Х.Харлоу, первое чувство, которое проявляется в жизни живого существа,— любовь к матери - и полноценное развитие ребенка может осуществляться только в контакте с матерью. Эта любовь тормозит появляющиеся позже страх и агрессию, в результате чего подобные чувства испытываются ребенком лишь в ситуациях действительной опасности, а не как реакция на любой новый раздражитель. Доказательством сказанного служит такой его эксперимент.

В один из углов клетки, где уже находилась обезьянка со своими мамами-заменителями, помещали «чудовище», например марширующего и бьющего в барабан игрушечного медвежонка. Обезьянка сначала очень пугалась и вела себя так, как поступают в аналогичных ситуациях дети,— прижималась к «мягкой маме» и прятала в нее голову. Через некоторое время, однако, она начинала поглядывать на «чудовище», а затем и приближаться и даже заигрывать с ним. Если же матерчатой матери не было, обезьянка все время, пока «чудовище» находилось в клетке, сидела в углу, сжавшись в комок и дрожа от страха. Наличие в клетке «холодной мамы» нисколько не меняло ситуацию.

Когда обезьянки немного подросли и перебрались уже в большой вольер, то, отправляясь в путешествие в неизведанные места, они брали с собой свою «мягкую маму».

Как уже отмечалось, наиболее глубокая интерпретация описанных фактов — представление о формирующемся на ранних этапах онтогенеза чувстве **базисного доверия к миру**, основывающемся на теплоте и постоянстве материнской заботы. Это представление входит в теорию развития личности, разработанную крупнейшим специалистом в данной области — американским психологом Э.Эриксоном. Выбор между *базисным доверием-недоверием к миру* является итогом первой из восьми выделенных им стадий жизненного цикла.

Описывая раннее развитие ребенка, Э.Эриксон обращает внимание читателя на неизбежность того момента, когда мать прекращает кормление ребенка грудью:

«...отнятие от груди не должно означать для ребенка внезапное лишение и кормления грудью, и безусловности материнского присутствия. При определенных отягчающих условиях резкая потеря привычной материнской любви без надлежащей замены в этот период может вести к острой детской депрессии или к более мягкому, но хроническому состоянию печали, способному придать депрессивную окраску всей предстоящей жизни человека⁷. Но даже при более благоприятных условиях эта стадия, по-видимому, вводит в психическую жизнь чувство отлучения и смутную, но универсальную ностальгию по утерянному раю. Именно вопреки всем этим переживаниям, связанным с депривацией от разлучения с матерью, с покинутостью и формирующим чувством базисного недоверия, должно установиться и развиться чувство базисного доверия... ... доверие включает в себя не только то, что некто научается надеяться, полагаться на тех, кто извне обеспечивает его жизнь, но и доверие к самому себе...Такой человек способен чувствовать себя настолько полным доверия, что обеспечивающие его жизнь окружающие не должны постоянно стоять при нем на часах» (Э.Эриксон, 1996, с.111).

Отсутствие базисного доверия к миру рассматривается многими исследователями как самое первое, самое тяжелое и самое трудно компенсируемое следствие материнской депривации. Оно порождает страх, агрессивность, недоверие к другим людям и к самому себе, нежелание познавать новое, учиться.

Два момента составляют непереносимое условие возникновения у ребенка базисного доверия к миру: теплота материнской заботы и ее постоянство.

Необходимость проявления эмоциональной теплоты, как ни странно, признается далеко не всеми. Часто даже любящие матери полагают, что детей надо держать в строгости, чтобы они не избаловались, росли самостоятельными. Младенцев такие матери стараются не брать на руки, кормить строго по часам, не подходить, когда они плачут. Последствия подобного воспитания часто печальны: когда детям исполняется 7—8 лет, они нередко

⁷ Здесь Э.Эриксон делает ссылку на исследование Р.Шпица «Госпитализм» (1945).

оказываются клиентами психологических и медицинских консультаций с жалобами на эмоциональные расстройства. А все дело в том, что на первом году жизни ребенок, с точки зрения идей Э.Эриксона и концепции привязанности, нуждается не в принципиальности матери и не в собственной самостоятельности, а в постоянном, неизменном, безусловном проявлении материнского тепла, любви, ласки. Психологические исследования, специально посвященные этому вопросу, убедительно свидетельствуют: для маленького ребенка не может быть «слишком много» внимания и заботы, при условии, что эти внимание и забота в каждый момент времени учитывают потребности ребенка, не являются назойливыми и навязчивыми (мы писали об этом выше) (см. Н.Н.Авдеева, С.Ю.Мещерякова, 1991, Й.Раншбург, П.Поппер, 1983).

Американским психологом М.А.Риббл было проведено наблюдение над 600-ми младенцами, лишенными материнской заботы, показавшее, что следствием этого могут быть очень тяжелые соматические расстройства уже у детей двухмесячного возраста, так как организм грудного ребенка для правильного функционирования должен получать из внешней среды комплексы раздражителей, которые предоставляет ему естественная забота матери. Поглаживание, взятие на руки, прижимание к груди, голос матери, возможность сосания для грудного ребенка столь же важны, как и грудное молоко, определенная температура воздуха и т. п. По данным М.А.Риббл, у детей, живущих в негигиенических условиях, но имеющих постоянный физический контакт с матерью, соматических расстройств не возникает. Характерные для отсутствия материнской заботы соматические расстройства встречаются даже в самых лучших детских учреждениях, прекрасно оборудованных и обеспечивающих правильный с научной точки зрения уход. Все это, однако, не может, как считает исследователь, заменить «тонкие личные влияния», которые необходимы ребенку для полноценного развития.

7. Роль привязанности в психическом развитии

Привязанность как первое социальное отношение оказывает решающее воздействие на то, как человек в дальнейшем будет относиться к окружающим людям и вообще к миру, будет ли он испытывать доверие к миру, воспринимать его как безопасное, подходящее для жизни место. Этот тезис

подтверждается данными многочисленных исследований и прежде всего лонгитюдных. Приведем некоторые из них⁸.

Начнем с того, что привязанность, сформировавшаяся в раннем детстве, является достаточно стабильным образованием. Двукратное изучение одних и тех же детей, первоначально в младенчестве, а затем в возрасте 16-17 лет показало, что примерно у 77 % обследованных сохраняется зафиксированный в младенчестве тип привязанности.

В другом исследовании было выявлено, что дети, которые в возрасте до 18 месяцев характеризовались надежной привязанностью, в дальнейшем по целому ряду показателей заметно отличались в лучшую сторону от всех остальных детей. В два года они лучше играли с игрушками, лучше общались со сверстниками, они были более настойчивыми, упорными, более расположенными к совместной деятельности, чем остальные малыши. В начальной школе они проявляли большую настойчивость в учебе, большее стремление к овладению новыми знаниями и навыками, лучше общались со взрослыми и сверстниками.

В ряде исследований была доказана прямая зависимость между типом привязанности в младенчестве и характером общения со сверстниками в старших возрастах (дошкольном, младшем школьном, подростковом). Дети с надежной привязанностью, в сравнении с детьми с ненадежной привязанностью, умели более эффективно взаимодействовать со сверстниками, пользовались большей симпатией с их стороны, они имели больше близких друзей и устанавливали с ними более теплые и близкие контакты, значительно реже вступали в конфликты со сверстниками и были более конструктивны в их разрешении.

Объяснением этого может служить следующее. Ребенок с надежной привязанностью, относясь с доверием к окружающим людям, постоянно вступает с ними в общение, в то время как ребенок с ненадежной привязанностью, испытывая тревогу и страх, избегает контактов. В результате первый имеет значительно более широкий и разнообразный опыт общения, оказывается гораздо более умелым, искусным во взаимоотношениях с людьми.

В других исследованиях изучалась связь между типом привязанности в младенчестве и наличием проблем в поведении у младших школьников. Экспериментальные данные показали,

⁸ См. исследования Д.Бенонит Д.Либерман и др., 1999, С.Карлсон, 1998, Н.Мосс и кол., 1998, Дж.Эликер и др, 1992, М.Эйнсворт, 1985, Й.Лангмейер, З.Матейчек, 1984.

что поведение детей, имевших в младенчестве надежную привязанность, было в основном благополучным, в то время как у детей с надежной привязанностью часто отмечались нарушения поведения, неумение придерживаться принятых в школе правил и требований.

Дети с надежной привязанностью оказываются и более толерантными к жизненным трудностям. В экстремальных ситуациях они умеют проявить жизненную стойкость. Й.Лангмейер и З.Матейчек, анализируя нарушения поведения у группы детей, эвакуированных во время II мировой войны, отмечают:

«Хотя большинство детей реагировали на эвакуацию ухудшением поведения или невротическими проявлениями, все же имелись и дети, поведение которых, напротив, улучшалось: они стали более самостоятельными, дисциплинированными и спокойными... В целом дети, отношение которых к родителям были уравновешенным и полностью положительным, перенесли свое перемещение сравнительно спокойно - как будто бы это их отношение представляло ту базу уверенности, которая им помогала адаптироваться в новой ситуации... Однако дети, отношение которых к родителям являлось конфликтным, не были способны к подобному приспособлению, и их конфликт, как правило, еще обострялся и прорывался наружу» (Там же, с.154-155).

Аналогичные выводы авторы делают и описывая детей, оказавшихся во время II мировой войны в концентрационных лагерях. Хотя в целом пребывание в фашистском лагере оказало тяжелое негативное влияние на детей, однако и в этих экстремальных условиях обнаружились различия, связанные с ранним опытом жизни в семье:

«Дети из устойчивых семей, счастливо прожившие свои ранние годы и бывшие полностью душевно «здоровыми», в целом переносили эти условия лучше. Свойства характера, приобретенные в раннем детстве (несмотря на внешний нанос запущенности), устояли в определенной мере и перед самой тяжелой нагрузкой» (Там же, с.163-164).

Можно ли перечислить те характеристики отношения матери и ребенка, которые способствуют развитию надежной привязанности. Попытку формализации этого, представленную в

таблице 3, сделали Д.Волфф и ван Айзендурн (цит.по Д.Шэффер, 2003, с.591).

Однако несмотря на многочисленные доказательства отрицательного влияния сформировавшейся в раннем детстве ненадежной привязанности на дальнейшее развитие ребенка существуют данные, основанные прежде всего на психотерапевтической практике, которые позволяют не считать несформированность надежной привязанности в младенчестве фатальной, а ее последствия неисправимыми.

Таблица 3.

Аспекты ухода за младенцем, способствующие развитию надежных материнско-младенческих привязанностей

Характеристика	Описание
Сензитивность	Быстрые и адекватные реакции на сигналы, подаваемые младенцем
Позитивная установка	Выражение положительных эмоций по отношению к младенцу и любви к нему
Синхронность	Структурирующие ровные взаимоотношения с младенцем
Взаимность	Структурирующие взаимоотношения, в ходе которых и младенец, и мать акцентируют внимание на одном и том же
Поддержка	Постоянная эмоциональная поддержка действий ребенка
Стимуляция	Частое применение действий, направляющих младенца
Примечание: данные шесть аспектов ухода за младенцем умеренно коррелируют друг с другом	

Так, О.Кларк и Дж.Ханиси (1982) исследовали группу азиатских детей-сирот, которые до переезда в США жили в детских домах и больницах. Многие из них перенесли серьезные болезни, голод, потерю родных и близких во время войны и т.п. В США они были помещены в семье, где о них хорошо заботились. Через два-три года эти приемные дети значительно превысили средние показатели выполнения тестов интеллекта и тестов на социальную зрелость.

По мнению других американских исследователей (Кларк и Кларк, 1976, О' Коннор и др., 2000) восстановление депривированных детей идет особенно успешно, если они испытывали депривацию не более двух лет и пережили физического насилия. Большое значение имело также, что они усыновлялись высоко образованными родителями, которые обладали достаточным личностных, социальных и материальные ресурсы. Таким образом, дети, даже перенесшие материнскую депривацию, в хорошей домашней обстановке имеют большие шансы на восстановление. Однако если двухлетний период материнской депривации оказывается превышен, и дети были усыновлены позже, если они были жертвами насилия, то процесс восстановления значительно осложняется. Это позволило выдвинуть гипотезу о том, что в младенчестве и раннем детстве имеется *сензитивный период* для установления надежных эмоциональных связей и других способностей, развивающихся на основе этих связей. В таких сложных случаях просто помещения ребенка в хорошую семью оказывается недостаточным и требуется специальная психотерапевтическая работа.

Свою эффективность для таких случаев доказала так называемая «терапия привязанностей», направленных на формирование эмоциональных связей между ребенком и его ближайшим окружением. Психотерапия основана на восстановлении чувства привязанности, что в свою очередь подразумевает акцентированные, ярко выраженные телесные контакты. Даже подростков обнимают, качают, прижимают к себе специально обученные воспитатели. В арсенале этой психотерапевтической школы есть и такой метод: комната тишины — пустая небольшая комната с ковром на полу, в которой есть очень большая и мягкая игрушка. В эту комнату ребенок может попроситься сам, когда ему очень плохо, или его может поместить туда воспитатель.

По данным, приводимым Д.Шеффером (2003) на основании результата конкретного исследования, у 85% детей, прошедших терапию привязанности, сформировались надежные взаимоотношения с близкими взрослыми. Однако процент успешных случаев среди подростков был очень низким.

IV. Жизнь и развитие детей, лишенных материнской заботы

1..Материнская депривация: «естественные эксперименты».

Многokратно упоминавшиеся нами работы Р.Шпица и Дж.Боулби открыли целое направление научных исследований, ориентированных на изучение последствий пребывания ребенка в детском учреждении (больница, дом ребенка, детский дом, интернат) без семьи, без родителей. Они, по существу, совершили революцию в этой области.

Р.Шпиц, который первым обратил внимание на то, что происходит с детьми в больницах и приютах, был настолько поражен, что счел своим долгом не только дать точное научное описание состояния детей, но и заснять их на киноплёнку - для того времени это было совсем непростым делом.

Р. Шпиц так описывает детей из приюта примерно шестимесячного возраста:

*«... дети были полностью пассивными и неподвижно лежали на спине в своих кроватках. Им не удавалось достичь даже стадии моторного контроля, необходимой, чтобы перевернуться на живот. Лица стали пустыми, координация движений глаз ослабела, лицо приняло выражение, типичное для имбецилов. Спустя некоторое время подвижность возобновлялась, принимая у некоторых детей форму *spasmus nutans*; у других детей выявилась нескоординированность движений пальцев, напоминающая децеребральные или аутоэротические движения»(2000, с.273).*

Подобных описаний в литературе сейчас накоплено достаточно много, и все они неизменно поражают читателя. Но, пожалуй, самую жестокую, почти невероятную, но вместе с тем реальную, документированную в отчетах и сохранившуюся в архивах историю, произошедшую в гитлеровской Германии, приводят Й.Лангмейер и З.Матейчек. Ее можно рассматривать как «естественный эксперимент», поставленный в условиях чудовищной, нечеловеческой идеологии.

По критериям, предъявляемым к высшей арийской расе, был проведен отбор молодых мужчин и женщин, физически и психически совершенно здоровых и крепких, без наследственных заболеваний. В тайных лагерях специально созданные из этих мужчин и женщин супружеские пары жили до тех пор, пока у женщины не наступала беременность.. После родов ребенка

забирали у матери и воспитывали в специальных детских домах с целью создания «сверхлюдей» чистой расы.

Этот опыт закончился полным провалом. В отчете о деятельности одного из таких детских домов отмечалось, что все его 20 воспитанников сильно отставали в развитии, лишь одного ребенка можно было считать нормальным, у остальных запаздывало развитие речи, многие из них научились элементарным гигиеническим навыкам лишь к 6 годам, некоторые были, как отмечалось в отчете, просто идиотами. О причинах авторы отчета писали следующее:

«Они были лишены самого важного, т. е. любви, настоящей любви матери. Младенцы лежали, как телята в инкубаторе. Никто к ним не обращался с ласковым словом» (1984, с.71-72).

Этот трагический «естественный эксперимент» красноречиво свидетельствует, что материнская депривация губит, приводя к тяжелым формам психического недоразвития, даже детей, генетически абсолютно здоровых. Мы считаем важным подчеркнуть это, поскольку часто при обсуждении проблемы сиротства главный упор в объяснении проблем развития таких детей делается на наследственность. И это имеет определенные основания, так как современное сиротство, в основном, социальное, и попадающие в детские дома дети чаще всего являются не только детьми, но и внуками алкоголиков, имеют родителей- наркоманов и т.п.

Исследователи, изучавшие в разные годы и в разных странах детей, оказавшихся без семьи, выделяют разные последствия материнской депривации для психического развития. Эти данные сложно сравнивать между собой, поскольку факторов, различающих эти естественные эксперименты, слишком велико: это разные социокультурные условия и общеисторический фон (война, мирное время), разные время разлуки с семьей и длительность пребывания в учреждении, разный вес наследственного фактора, разные материальные условия жизни в детском учреждении (питание, наличие игрушек), различия по характеру заботы и по количеству заботящихся о детях взрослых, возрасту детей и т.п.

Возвращаясь к материалам предыдущей главы, выскажем некоторую общую гипотезу: в наибольшей степени страдают эмоциональная и волевая сферы - центральные для развития личности. Для предварительного обоснования этой гипотезы приведем результаты еще одного естественного эксперимента

(Д.Кун, 2002). В середине 90-х г.г. XX века в переходное, трудное для Румынии время крушения социализма ситуация в детских приютах была очень сложной. Они были сильно переполнены и бедны. Дело доходило до того, что с детьми первого года жизни просто некому было заниматься. Достаточно большая группа детей из этих приютов были взяты на воспитание в обеспеченные канадские семьи. Обследование этих детей, проведенное спустя несколько лет показало, что большинство из них существенно продвинулись в физическом и умственном развитии. Однако многие из них проявляли слабую привязанность к своим приемным родителям, Ярким показателем этого было например, то, что они охотно уходили из дома с чужими людьми, что обычно не делают семейные дети. Психологи, обследовавшие этих детей констатировали у них «отсутствие надежной привязанности», который рассматривается как симптом, свидетельствующий о личностных нарушениях и имеющий серьезное прогностическое значение.

2. Фактор времени

Обсуждая проблему развития ребенка вне семьи, в детском учреждении, исследователи отмечают, что последствия материнской депривации в значительной степени зависят от того, в каком возрасте ребенок был разлучен с матерью, семьей, так как проблемы ребенка, оказавшийся вне семьи сразу после рождения, и того, который попал в детский дом в год, различны и при этом отличаются от проблем ребенка, который был направлен в детский дом в семь лет. Так, в психологических исследованиях показано, что тип личности, формирующийся у ребенка, с рождения испытывающего материнскую депривацию, отличается от типа личности человека, лишенного материнской заботы не с рождения, а позже, когда тесная эмоциональная связь уже возникла. В таких случаях, отмечает Дж.Боулби, разрыв с матерью начинается с тяжелейшего эмоционального стресса, переживаемого ребенком. (про стресс разлуки?)

Согласно наблюдения Дж.Боулби, уже шестимесячный младенец в первый месяц разлуки плачет, требует мать и ищет кого-нибудь, кто мог бы ее заменить. Второй месяц разлуки характеризуется возникновением реакции избегания: если кто-нибудь подходит к ребенку, он начинает кричать. Одновременно наблюдается падение веса и снижение уровня развития. Третий

месяц знаменуется тем, что ребенок начинает избегать всяких контактов с миром, у него развивается апатия и аутизм.

Идеи о связи между формирующимся типом личности и временем разлуки с матерью нашли, в частности, подтверждение в ретроспективных исследованиях группы подростков-правонарушителей, проведенных Дж.Боулби. Было установлено, что у таких подростков разлука с матерью в возрасте до 5 лет отмечалась, значительно чаще чем в контрольной группе подростков, не совершавших правонарушений (при этом учитывалось не только помещение ребенка в детское учреждение закрытого типа, но и длительное пребывание его в больнице, санатории и т. п.). При этом фактор времени разрыва с семьей оказался более весомым, чем длительность пребывания вдали от дома.

Таким образом, симптомы материнской депривации обнаруживают дети, не только отданные в детский дом, но и оказавшиеся в больницах, санаториях и других подобных учреждениях. В литературе описано депривирующее влияние разлуки ребенка с матерью, даже относительно недолгое. Обычно после возвращения в семью последствия депривации постепенно проходят, однако в ряде специальных исследований было установлено, что в случае разлуки с матерью свыше пяти-шести месяцев изменения оказываются практически необратимыми.

Уточнением этих данных могут служить результаты еще одного исследования Дж.Боули, где было показано, что подростки, потерявшие мать сразу после рождения, отличаются от сверстников, осиротевших в шестимесячном возрасте или позднее. Именно последние часто становились правонарушителями, характеризовались ярко выраженным антисоциальным поведением, в то время как дети, оказавшиеся без матери сразу после рождения, не отличались склонностью к правонарушениям, а были просто замкнутыми и неконтактными.

Эту точку зрения разделяют и многие другие исследователи, однако не все. Так, английский психолог М.Раттер полагает, что, хотя в целом можно установить статистическую зависимость между фактом ранней разлуки с матерью и правонарушениями в более позднем возрасте, нельзя считать эту зависимость причинно-следственной, так как она исчезает, если выделить фактор семейной дисгармонии, которая в большинстве случаев и является истинной причиной разлуки матери и ребенка. Он считает, что в тех случаях, когда разлука с матерью происходит без нарушения семейных отношений, развития отклоняющегося поведения у подростков не

отмечается и вообще в таких случаях нарушения бывают несущественными (1987).

Обобщая материалы многолетних исследований, Дж.Боулби высказал предположение, что долговременная разлука ребенка с матерью в первые 3—5 лет жизни приводит, как правило, к нарушению его психического здоровья и оказывает влияние на весь дальнейший ход его личностного развития.

Тип личности, формирующийся у ребенка, с рождения оказывающегося в условиях материнской депривации, Дж.Боулби обозначил как «безэмоциональный характер». Обобщенный портрет этого типа личности он представлял следующим образом: интеллектуальное отставание, неумение вступать в значимые отношения с другими людьми, вялость эмоциональных реакций, агрессивность, неуверенность в себе.

Г.Дюрфе и К.Вольф, принадлежащие к венской психологической школе, в начале 30-х годов нашего века провели сравнительное изучение 94 грудных детей из восьми различных детских учреждений. Учреждения отличались уровнем гигиенического ухода за детьми, характером стимулирующей среды (игрушки и т. п.), особенностями воспитания (некоторые дети воспитывались своими незамужними матерями, другие — специально обученным медицинским персоналом, третьи — матерями других детей, находившихся в этом же учреждении). Авторы пришли к выводу о бесспорном преимуществе материнской заботы: дети, за которыми ухаживали их собственные матери, имели самый высокий коэффициент развития. Весомость этого вывода повышается, если учесть, что речь шла о матерях необразованных, не следивших за собой, для которых ребенок был, скорее, обузой.

Еще пример. Во Франции в 50-е годы Дж. Рудинеско-Обри сравнивала группу детей одного-трех лет, поступивших в детское учреждение закрытого типа из плохих семей, с другой группой, в которую входили дети, длительное время воспитывавшиеся в этом учреждении и не имевшие контактов с семьей. Коэффициент развития в первой группе оказался значительно выше, чем во второй.

Впоследствии в работах, проведенных в 50-70-е г.г. (В.Голдфарб, В.Деннис и др.) эти данные были уточнены и детализированы. Так, было проведено сравнение двух групп детей. Первую группу составляли дети их приюта. Каждый ребенок в первые 8 месяцев жизни содержался в отдельной комнате (для того чтобы предупредить возникновение инфекции). Короткие контакты со взрослыми были ограничены временем

кормления и пеленания. При этом кормили детей из закрепленных на кровати бутылочек. С детьми не играли, на их крик и плач практически не реагировали. Особенности развития (физического и психического) этой группы детей постоянно сравнивали с характеристиками второй группы детей, воспитывающихся в нормальных условиях.

Оказалось, что самые маленькие дети (в возрасте до 3-4 месяцев) из этих групп не различались. Однако дети старше четырех месяцев из приюта стали заметно отличаться от детей из семей. Причем эти дети из приюта также вели себя по-разному. Большая их часть были пассивны. Они вяло реагировали на других людей, не пытались привлечь к себе внимание взрослого, крайне редко пытались приблизиться ко взрослому для того, чтобы тот обнял или поцеловал их. Другие, напротив, постоянно требовали внимания и ласки взрослого. Наконец, третьи (их было меньше всего) сидели в углу своей кровати, погруженные в себя и раскачивались взад-вперед с ничего не выражавшими лицами. Таким образом, только эти последние напоминали детей, описанных Р.Шпицем и Дж.Боулби, что по-видимому, связано с тем, что эти авторы изучали крайние, наиболее тяжелые случаи развития ребенка в условиях материнской депривации.

Примеры подобных исследований, проведенных в том числе и в нашей стране, можно было бы приводить еще и еще. Интересующихся данной проблемой мы можем отослать к уже неоднократно упоминавшемуся фундаментальному труду И. Лангмейера, 3. Матейчека «Психическая депривация в детском возрасте», который был опубликован на русском языке в Праге в 1984 году, где подробно описано большинство этих исследований, и который сейчас можно найти в интернете.

Существует мнение, что в отличие от ребенка, с рождения оказавшегося без материнской заботы, развитие личности ребенка, имевшего мать, но в какой-то момент лишившегося ее, идет по так называемому *невротическому типу*, когда на передний план выступают разного рода защитные механизмы. Дж. Боулби отмечал, например, что дети, разлученные с матерью, приспособившись к новым условиям жизни, часто как бы забывают ее и даже начинают относиться к ней негативно: не хотят узнавать, ломают полученные от нее игрушки.

Красноречивое наблюдение приводит польский исследователь К.Обуховский: «Ребенок после возвращения из больницы узнавал всех домашних, за исключением матери». Опишем и известную нам реакцию ребенка на возвращение матери из длительной

командировки. Когда мама вошла в комнату, обращаясь к бабушке, он равнодушно спросил, указывая на мать: «Эта тетя — моя мама? Ну, я так и думал», после чего отвернулся и пошел играть со своими игрушками. Отметим, что этот пятилетний малыш очень ждал мать, часто спрашивал о ней, но реакция на встречу была, как видим, явно невротической. Невротическим было и его поведение в последующие дни. В какой-то момент (это было ночью) мальчик пришел к матери, буквально вцепился в нее и в течение нескольких дней ее не отпускал от себя ни на шаг: стоял возле двери ванной и туалета, не давал разговаривать с другими людьми и т.п.

Подобные невротические реакции ярко проявляются в рисунках детей, разлученных с родителями. Вот как это описывает литовский психолог Г.Т. Хоментаскас, анализирующий рисунки 7-летних детей, живших в семьях, а потом отданных в интернат:

«Первое, с чем должен справиться ребенок в подобной ситуации разлуки, это назойливые мысли, что он обманут, что он никому не нужен, нелюбим, что он оставлен всеми — совсем один в этом мире. Такие мысли провоцируют реакции протеста и последующее подавленное настроение. В этот период ребенок высказывает либо недоумение, либо сильное недоверие к взрослому: «Все они такие. Они могут обмануть и оставить тебя в любой момент». Дети замыкаются в себе, не делятся своими переживаниями со взрослыми — они как бы переваривают обиду в себе. Если в это время ребенка попросить сделать рисунок семьи, то он всякими способами будет отказываться, неосознанно пытаясь избежать травмирующего переживания. Ребенок задает самые разнообразные «защитные» вопросы, например: «А зачем?», «Что такое семья?» — или просто отговаривается: «Не умею людей рисовать», «Никогда не рисовал семью» и т. п. Даже тогда, когда ребенок приступает к выполнению задания, он долго сидит молча, смотрит по сторонам и в отличие от ребенка с хорошими эмоциональными отношениями в семье начинает с изображения неодушевленных предметов. Для детей в такой ситуации достаточно типично детальное изображение дома, солнца и туч и отсутствие изображения членов семьи».

Далее Г. Т. Хоментаскас анализирует рисунок 7-летнего мальчика на тему «Нарисуй свою семью»:

«Детально, разноцветно изображен дом (символ семьи, на которую ребенок смотрит с ностальгическим, но скрытым

желанием), нарисовано солнце (символ материнской заботы и любви, необходимость которой чувствует ребенок). Так ребенок косвенно, символически показывает, как значимы для него семья и те отношения, которые там существовали. Тут же можно уловить и отношение к собственным чувствам относительно семьи,— не рисуя членов семьи, ребенок как бы отказывается, отмежевывается от них. Такое отношение понятно — ведь не будь привязанности, любви, не было бы и мук расставания. На первый взгляд кажется парадоксальным, что в рисунках детей, оторванных от семьи, отсутствуют ее члены. Их нет не потому, что ребенок о них не помнит или они для него незначимы. Члены семьи, точнее воспоминания о них, связаны с негативными эмоциональными переживаниями — чувством покинутости, нелюбимости, и ребенок избегает такой темы. Наряду с этим дети утрачивают доверие к ранее самым близким людям, да и другим взрослым тоже. Они не чувствуют себя в безопасности, им неуютно в окружающем мире» (1989, с.83-84).

Приведенные и многие другие факты, оставшиеся за пределами нашего изложения, убедительно свидетельствуют, что ребенок, по тем или иным причинам переживший раннюю и достаточно длительную разлуку с матерью, попадает в очень тяжелую ситуацию, которая оказывает серьезное негативное влияние на его развитие. Главную роль здесь играет именно фактор материнской депривации. Конкретные формы нарушений в психическом развитии ребенка зависят от целого ряда условий: в каком возрасте произошла разлука с матерью, как протекал процесс формирования привязанности, была ли жизнь ребенка вне семьи постоянной или временной.

3. Фактор заботы. Моно- и политропность

Существует идея *монотропности*, впервые сформулированная Дж.Боулби, суть которой состоит в следующем. Для нормального развития ребенка необходимо, чтобы тепло и забота сосредоточивались в одном человеке. Это не обязательно должна быть биологическая мать ребенка, но важно, чтобы оказавшийся на ее месте взрослый был действительно неизменно любящим, эмоционально теплым.

Выразительное, почти парадоксальное доказательство этого мы находим в книге американского психолога Ю.Бронфенбреннера (1969), где описываются две группы умственно отсталых детей, живших в специальном приюте в одном из городов США. В каждой группе — экспериментальной и контрольной — было по 13

малышей. Дети из экспериментальной группы в трехлетнем возрасте были отданы на попечение женщин, также находившихся в учреждении для умственно отсталых. Контрольная группа оставалась в приюте и воспитывалась так, как это принято в подобных учреждениях.

Эксперимент проводился около полутора лет. За это время коэффициент умственного развития детей из экспериментальной группы в среднем вырос на 28 баллов (с 64 до 92), а в контрольной — снизился в среднем на 26 баллов. По окончании эксперимента детей, воспитывавшихся умственно отсталыми женщинами, усыновили психически полноценные родители.

Наиболее выразительные результаты были получены через тридцать лет после эксперимента. Анкетирование выявило, что все те, кто ранее входил в экспериментальную группу, за исключением двоих, окончили среднюю школу, а четверо даже учились в колледже, все стали совершенно самостоятельными и неплохо адаптированными к жизни людьми. В контрольной группе многие испытуемые умерли, а остальные находились в учреждении для умственно отсталых.

Ю.Бронфенбреннер объясняет полученные результаты в первую очередь огромной заинтересованностью умственно отсталых «матерей» в детях: они проводили со «своими» детьми много времени, играя, разговаривая и всеми способами обучая их. Детям постоянно оказывали внимание, дарили подарки, их водили на экскурсии и предоставляли самые различные возможности проявить себя. Каждый ребенок чувствовал себя любимым и необходимым конкретной женщине.

Идею монотропности прекрасно выразили И. Лангмейер и З. Матейчек:

«Ребенок, бесспорно, нуждается в центральном «объекте», на котором сосредоточиваются все его виды активности и который обеспечивает для него требующуюся уверенность. ...При нормальных обстоятельствах это, конечно, скорее мать или другое лицо на ее месте, становящееся фокусом, к которому притягиваются все отдельные виды активности ребенка, «как верноподданные к королю» (по сравнению Дж. Боулби) (1984, с. 250-251).

В современных исследованиях, напротив, все чаще отстаивается идея *политропности*, суть которой состоит в том, что ребенок может установить отношения привязанности не с одним-единственным человеком (в идеале - матерью), но с

несколькими (тремя-четырьмя близкими людьми, которыми могут быть, помимо матери, отец, дедушка, бабушка, тетя, няня и др.). Важно соблюдение трех основных условий. Эти отношения должны быть:

- ✓ эмоционально теплыми
- ✓ стабильными
- ✓ непрерывными, устойчиво повторяющимися

Именно от несоблюдения стабильности контактов страдают воспитанники детских учреждений, особенно дети раннего возраста. Американский исследователь Д.Пруг обнаружил, что в ситуации с постоянно меняющимися взрослыми (в больницах, детских домах, яслях) маленький ребенок в состоянии восстановить прерванный эмоциональный контакт не более четырех раз, после чего он перестает стремиться к такого рода контактам и становится к ним равнодушным.. Однако в обычной практике детских домов как в нашей стране, так и за рубежом заботящиеся о ребенке взрослые меняются значительно большее количество раз. Так, к исследованию, проведенном в одной из американских больниц, было выявлено, что в течение 14 дней ребенок встречался с 32 новыми для него лицами.

Значение теплоты эмоционального контакта подчеркивают английские исследователи М.Прингл и В.Бейслоу. Они анализировали особенности психического развития и школьной успеваемости детей из учреждений закрытого типа в возрасте 8-ми, 11-ти и 14-ти лет. В целом их данные подтверждают результаты многих других исследователей: дети сильно отставали в учении, имели серьезные эмоциональные нарушения. Интересно, однако, что при этом часть воспитанников (около 30%) по уровню своего психического развития не отличались от своих сверстников из нормальных семей. Когда М.Прингл и В.Бейслоу проанализировали причины этого, они обнаружили, что все хорошо развитые и хорошо приспособленные дети, несмотря на длительное пребывание в детском учреждении, были кем-то любимы, кем-то ценились, имели к кому-то, кроме работников интерната, отношение (родители, родственники, опекуны). Те же, кто характеризовался отставанием в психическом развитии и плохой приспособленностью, с самого раннего детства не имели устойчивых эмоциональных связей с другими людьми. Авторы приходят к выводу, что сама по себе физическая сепарация от родителей и от дома, само по себе длительное пребывание в детском учреждении не должны обязательно приводить к нарушениям психического развития — все зависит от качества человеческих связей, имеющих в опыте ребенка.

Этим же можно объяснить эффективность одного из подмосковных детских домов, наблюдавшихся нами в конце 90-х г.г. прошлого века. В этом, сравнительно небольшом по численности детском доме, к работе с детьми, помимо педагогов и воспитателей, был привлечен весь взрослый персонал - шоферы, повара, слесари и т.д. За каждым взрослым был «закреплен» ребенок. Поразила заинтересованность этих взрослых в «своем» ребенке. На педсовете, где мы сообщали о результатах психологического обследования, неожиданно оказалось очень много народа: тем присутствовали почти все взрослые детского дома, которых интересовали не столько общие результаты и тенденции, сколько ответы на вопрос: «А мой-то как?». Педсовет напоминал скорее родительское собрание.

Ребенок, воспитывающийся в доме ребенка, детском доме и других подобных учреждениях, с раннего детства имеет дело не с одним взрослым, постоянно присутствующим и центральным персонажем его жизни, а с множеством взрослых, все время сменяющих один другого. Это явление принято называют *мультипликацией материнской заботы*.

Распределение материнских функций между несколькими воспитателями многие ученые считают основным фактором, определяющим практически все дефекты психического развития ребенка из закрытого детского учреждения. Наиболее однозначны в такой оценке представители психоаналитического направления, полагающие, что фигура матери ничем не заменима для маленького ребенка.

Однако не все согласны со столь категоричным утверждением. Так, бихевиорально ориентированные психологи, уделяющие основное внимание изучению поведения ребенка в различных условиях подчеркивают, что не множественность воспитательных воздействий сама по себе, а содержание этих воздействий определяют результаты развития.

К похожему выводу приходили и некоторые отечественные психологи, стоящие на иных теоретических позициях. Так, известный детский психолог А. В. Запорожец писал:

В домах ребенка «не разлука с матерью, а дефицит воспитания задерживает нормальное развитие ребенка. Дальнейшее развитие ребенка зависит от количества и качества впечатлений, которые он получает главным образом в процессе общения со взрослыми, от овладения различными видами деятельности» (Основы дошкольной педагогики, 1980, с. 67).

А. В. Запорожец не считал исключительность связи ребенка с матерью даже биологически наиболее оптимальной. Напротив, биологически целесообразной, с его точки зрения, является именно политропность ребенка, т. е. наличие у него многосторонних и прочных связей с разными окружающими взрослыми.

Вопрос о преимуществах моно- или политропности и по сей день остается дискуссионным. Попытки решить его с помощью строгих научных экспериментов не дают однозначных ответов.

Интересны в этом отношении данные кросскультурного исследования, в котором сравнивались дети США, живущие в обычных американских семьях, и дети из израильских семей, проживающих в кибуцах. Как известно, жизнь в кибуцах носит подчеркнуто общинный, коллективный характер, когда воспитание детей осуществляется коллективно и контакты ребенка с семьей весьма ограничены. В этом смысле воспитание ребенка в кибуцах можно считать преимущественно политропным. Сравнение показало, что среди обследованных американских детей 65% имели надежную привязанность, в то время как среди израильских детей, принимавших участие в обследовании, надежную привязанность имели лишь 37%.

Американские исследователи Х. Рейнголд и Н. Бейли организовали две группы, в которые включили шестимесячных детей-сирот из детского учреждения. В одной — экспериментальной — группе за детьми ухаживал только один воспитатель. В другой — контрольной — было четыре воспитателя, как было принято в данном учреждении. Эксперимент длился три месяца. В результате дети из экспериментальной группы обнаружили лучшие показатели социального развития, чем их сверстники из контрольной. Однако различия оказались нестойкими: обследование детей через год не выявило никакой разницы между ними. Авторы пришли к выводу, что наличие единственного взрослого, заботящегося о ребенке, не оказывает решающего воздействия на его развитие, по крайней мере тогда, когда оно длится всего три месяца.

К этому эксперименту можно предъявить достаточно много претензий, но он весьма поучителен в одном отношении — в демонстрации временности и нестойкости позитивных сдвигов, возникающих под влиянием определенных воспитательных воздействий. В психологической литературе описано множество формирующих, развивающих экспериментов, в которых удается достичь прогресса в психическом развитии ребенка в результате правильной (с научной точки зрения) организации психологического и/или педагогического воздействия на него. Но обычно для выводов

используется лишь сдвиг, возникающий сразу после эксперимента, и почти никогда не анализируется отсроченное действие.

По-видимому, вопрос о преимуществе монотропности или политропности не может быть решен однозначно. В одних ситуациях успешным является монотропный опыт, в других - политропный. С нашей точки зрения, в конечном итоге развитие ребенка зависит не от количества устанавливаемых ребенком привязанностей, а от того, есть ли они вообще и, если есть, то каков характер этих привязанностей.

4. Материнская депривация в историко-культурном контексте

Приводимые материалы недвусмысленно свидетельствуют о том, что феномены материнской депривации тесно связаны с общим социокультурным контекстом, с тем **видением** материнства и детства, отношением к ребенку и матери, которое характерно для той или иной эпохи и которая соответственно менялась на протяжении истории человечества.

Приведем таблицу из книги Й.Лангмейера и З.Матейчека (1984, с.178-179). Отметим два момента, важных, с нашей точки зрения, при анализе материалов, представленных в таблице.

Во-первых, развитие научных представлений о депривированном ребенке, как правило, на один этап предшествовало развитию культурных моделей воспитания такого ребенка.

Во-вторых, фиксация феномена материнской депривации произошла относительно поздно - во второй половине XX века - тогда, когда в массовом масштабе произошел переход к сравнительно небольшой семье, основанная преимущественно на эмоциональных связях.

Таблица 4.

Развитие культурных моделей и развитие понятия депривированного ребенка в Европе

Исторический Период	Культурные модели воспитания детей	Основной недостаток в удовлетворении психических потребностей	Модель депривированного ребенка	Развитие социальной помощи	Развитие концепций психической депривации
Средневековье	Высокая аффективность (неустойчивая) и крайняя уступчивость Короткое детство и ранний уход из семьи Широкая патромониальная семья Зависимость от группы, интенсивные	Неприятие или отвержение группой	Покинутый (отвергнутый) ребенок-найденыш	Развитие сиротских домов и госпиталей при монастырях	-

	внесемейные чувства Идея ребенка как маленького взрослого, смешение возрастных групп				
17-19 столетия	Продолженное детство Несколько более узкая (патриархальная) семья Возрастание аффективности в семье, повышающаяся дисциплина вне семьи (школа) Идея пристойного ребенка	Недостаток общественной дисциплины и хороших нравов	Морально покинутый ребенок ("vagabund")	Развитие школы с возрастным ограничением (и общежитием)	Донаучный этап
Вторая половина 19 столетия	Высокая аффективность и строгая дисциплина внутри семьи (мать-отец) Иерархия авторитета в семье Подчеркивание личной морали Идея морального детства	Недостаток авторитета (отец) и аффективности (мать)	Ребенок без родителей (сирота, внебрачный ребенок)	Возникновение воспитательных учреждений Благотворительная социальная помощь	«Эмпирический» этап
Начало 20 столетия	Умеренная дисциплина, подчеркивание «разумности» в развитии (снижение аффективности) Либерализация и демократизация в семье Общезвестные моральные ценности Идея образованного ребенка	Недостаток руководства в семье (социальная запущенность)	Морально опускающийся ребенок (из семей «на окраине» общества)	Социальная помощь, народное просвещение, общественное образование	Шлосман (1920)
Вторая четверть 20 столетия	Понижение авторитарности, дальнейший рост рациональности (порядок, последовательность) Продолжающаяся демократизация семьи Идея продуктивного (успешного) ребенка	Недостаток рациональной заботы и воспитания	Воспитательно запущенный ребенок	Общественная социально-медицинская помощь	«Мобилизующий» этап Боулби (1951)
Послевоенный период	Снова возрастающая аффективность и уступчивость в малой ядерной (партинерской) среде Сосредоточение аффективности внутри семьи Идея эмоционально приспособленного ребенка	Недостаток эмоциональных связей в малой семье	Эмоционально депривированный ребенок («материнская депривация»)	Забота о психическом здоровье Замещающая семейная забота	«Критический» этап Эйнсуорт, (1962)
Современные тенденции	Умеренно возрастающая аффективность Повторное подчеркивание дисциплины Открытость и планирование Идея сензитивного ребенка	Недостаток осмысленного отношения к миру и самому себе	«Отчужденный» ребенок	Социально-психологические службы	Экспериментально-теоретический этап

Подводя итоги рассмотрению проблемы материнской депривации отметим, что материалы многочисленных исследований убедительно свидетельствуют, что ребенок, по тем или иным причинам переживший раннюю и достаточно длительную разлуку с матерью, попадает в очень тяжелую ситуацию, которая оказывает серьезное негативное влияние на

его развитие. Главную роль здесь играет именно фактор материнской депривации. Конкретные формы нарушений в психическом развитии ребенка зависят от целого ряда условий: в каком возрасте произошла разлука с матерью, как протекал процесс формирования привязанности, была ли жизнь ребенка вне семьи постоянной или временной.

Более подробно на материале собственного экспериментального исследования мы рассмотрим этот вопрос во второй части книги.